

Польша и Европа послѣ Вѣнскаго конгресса.

«Нѣтъ поляка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который не былъ бы убѣжденъ въ истиннѣ того, что ихъ страна была захвачена, а не завоевана императрицей Екатериной, во время трехъ раздѣловъ, произведенныхъ среди мира, безъ объявленія войны, при помощи средствъ самыхъ постыдныхъ, способныхъ возмутить всякую честную душу. Одно царство Польское—честная добыча (*de bonne prise*), санкціонированная трактатами, послѣ войны, при заключеніи мира. Это почувствовали всѣ, во всемъ мірѣ, завоеваніе есть плодъ побѣды, тогда какъ захватъ есть постыдное грабительство, которое рано или поздно отзовется на самомъ захватчикѣ».

Въ этихъ словахъ цесаревича Константина Павловича¹⁾ дана не только точка зрѣнія поляковъ на раздѣлы Польши, но и точка зрѣнія русскаго правительства, современнаго образованію Царства Польскаго, на юридическое положеніе этого послѣдняго. Это—добыча Отечественной войны, закрѣпленная за Россіей вѣнскими трактатами 1815 г. Безъ войны не было бы добычи, безъ трактатовъ это былъ бы простой захватъ. Цесаревичъ повторялъ тутъ только мысли своего старшаго брата, высказывавшіяся въ самый моментъ дѣйствія. «Для Россіи—герцогство Варшавское»,—записалъ Александръ I въ коротенькомъ конспектѣ будущихъ вѣнскихъ переговоровъ (въ августѣ 1814 г.), «Въ крайнемъ случаѣ я согласенъ уступить польку Познань...» «У меня двѣсти тысячъ человекъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, пусть же меня выгоняютъ», говорилъ Александръ Талейрану въ Вѣнѣ. А когда Талейранъ, дѣлавшій видъ, что онъ очень беспокоится о независимости Польши, на дѣлѣ же отстаивавшій интересы Саксоніи противъ Пруссіи, предложилъ Александру взамѣнъ Саксоніи «дать пруссакамъ побольше изъ герцогства Варшавскаго», русскій императоръ нашелъ предложеніе «страннымъ»: «Вы хотите, чтобы я взялъ у себя, чтобы дать имъ?»²⁾ «Честная добыча» принадлежала тому, кто ее взялъ. Это нисколько не помѣшало, разумѣется, призвать поляковъ «къ защитѣ отечества», когда на «добычу» явились другіе соискатели³⁾. Нѣтъ ничего сложнѣе понятія «отечества» въ примѣненіи къ самодержавной монархіи...

Но Александръ, какъ говорятъ, именно не хотѣлъ быть «самодержавнымъ монархомъ» въ Польшѣ. Онъ далъ ей конституцію.

1) Письмо къ имп. Николаю I 30 ноября (12 декабря) 1827 г. Сбор. Русск. Истор. Общ. т. 131-й, стр. 205.

2) Шильдеръ «Александръ I», III, стр. 537, 282, 298.

3) Приказъ Константина Павловича по польской арміи 29 ноября (11 декабря) 1814, выдержка тамъ же, стр. 299. Цѣликомъ напечатанъ (во французскомъ переводѣ) у Агисберга «Recueil», стр. 636.

Другіе говорятъ: «обязался дать». Юридическую базу для политической свободы Царства Польскаго 1815 г. хотять видѣть опять — таки въ вѣнскихъ трактатахъ. Этотъ мотивъ игралъ такую роль въ дальнѣйшихъ перипетіяхъ дипломатической исторіи Польши, съ другой стороны, возникновеніе польской конституціи такъ тѣсно связано именно съ *международнымъ* положеніемъ монархіи Александра I, что на вопросъ необходимо нѣсколько остановиться. «Заключительный актъ» Вѣнскаго конгресса (подписанный 9 іюня 1815 г.) дѣйствительно говорить о «конституціи» русской Польши, но совсѣмъ въ особенномъ смыслѣ: «герцогство Варшавское», читаемъ здѣсь, «своей конституціей будетъ безвозвратно присоединено къ владѣніямъ императора всероссійскаго»¹⁾. Отсюда можно вывести лишь одно заключеніе: унія Россіи и Польши мыслилась авторами трактата, какъ не только *личная*, и даже не только, какъ династическая — кто бы ни стоялъ во главѣ Россійской имперіи, но императоръ всероссійскій, такъ сказать, автоматически становился съ тѣмъ вмѣстѣ и королемъ (или, по-русски, «царемъ») польскимъ. Эту теорію подробно — и очень логично — развилъ въ послѣдствіи Николай Павловичъ, когда зашла рѣчь о его коронаціи — вторичной, — въ Варшавѣ. Николай уорно отказывался разсматривать эту вторую коронацію, какъ особый, самостоятельный актъ: царь польскій былъ коронованъ въ Москвѣ, въ особѣ русскаго императора; въ Варшавѣ можетъ быть лишь «повтореніе церемоніи для поляковъ»²⁾... Съ точки зрѣнія «заключительнаго акта» Николай былъ, повторемъ, послѣдователенъ. Но читатель уже достаточно видитъ, что къ «конституціи» въ обычномъ смыслѣ этого слова данная фраза «акта» не имѣетъ никакого отношенія. По части внутренняго управленія «актъ» не гарантируетъ царству Польскому ничего больше «особой администраціи» (*administration distincte*). Странная, но неоспоримая вещь: поляки литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній, присоединенныхъ къ имперіи при Екатеринѣ II, получили отъ Вѣнскаго конгресса, въ смыслѣ гарантій, *больше*, нежели населеніе самой Польши. «Поляки, подданные соотвѣтственно Россіи, Австріи и Пруссіи, получаютъ представительство и національныя учрежденія», говоритъ «заключительный актъ» — правда, съ оговоркой: «согласованныя съ той формой политическаго бытія, какую сочтеть полезнымъ и приличнымъ даровать имъ ихъ правительство». Гарантировался лишь *принципъ* автономіи — не ея форма: но ясно все-таки что это была автономія («*représentation et constitutions nationales*»), а не что другое, для царства же не было гарантировано даже и принципа.

Чѣмъ объясняется такое странное раздѣленіе, оставлявшее правительству «самостоятельной» Польши руки болѣе свободными, чѣмъ у правительства, которымъ поляки «принадлежали» («заключительный актъ» такъ и говоритъ: «*au quels ils appartiennent*») въ силу раздѣловъ конца XVIII вѣва? Кое-какія откровенности «возстановителя», императора Александра I, яркимъ свѣтомъ освѣщаютъ то, что этимологиическій анализъ Вѣнскаго трактата даетъ только предчувствовать. «Я замѣтилъ, въ 1814 году, что нужно польстить ихъ (поляковъ) національному самолюбію, чтобы они оставались спокойными», говорилъ Александръ австрійскому генералу гр. Вальмодену (въ октябрѣ 1816 г.).

¹⁾ «Le duché de Varsovie est réuni... à l'Empire de Russie. Il y sera lié irrévocablement par sa constitution, pour être possédé par S. M. l'Empereur de toutes les Russies»...

²⁾ Сборникъ Русск. Ист. О-ва, *ibid*, 335 и сл.

«Если бы они остались на положеніи завоеванной провинціи, это былъ бы вѣчный очагъ недовольства и интригъ: а такъ они довольны и слишкомъ хорошо знаютъ границы, которыя я имъ поставилъ, въ моемъ интересѣ, чтобы пытаться перейти ихъ. Обращаясь съ ними такъ, какъ я обращался до сихъ поръ, я сдѣлаю изъ нихъ русскихъ, тогда какъ они будутъ считать себя поляками (!). Нужно было также *создать изъ этою многочисленнаго воинственнаго населенія значительную армію*, чтобы приучить его къ суровой дисциплинѣ... Мой братъ вначалѣ былъ съ ними немного крутъ, но это было необходимо, чтобы заставить ихъ забыть революціонный духъ, которымъ они заразились во Франціи. Теперь они довольны—они что-нибудь значать, возрождаются ихъ богатство и блескъ»¹⁾. Эти слова даютъ не нуждающійся въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ комментарий къ другимъ словамъ того же Александра Павловича, сказаннымъ другому нѣмецкому генералу, принцу гессенскому, по поводу надѣлавшей такого шума тронной рѣчи при открытіи польскаго сейма: «Это одна комедія. Комедія, конечно, не настоящее слово, вы это понимаете, но, однимъ словомъ, это для показу (un arragat)»²⁾. А подчеркнутый нами мотивъ относительно польской арміи нашелъ себѣ очень полное развитіе въ одной, давно уже опубликованной, но мало обратившей на себя вниманіе, собственноручной запискѣ Николая Павловича, написанной очень скоро послѣ возстанія 1830 — 31 гг. Перечисляя благодѣянія Россіи Польшѣ, авторъ записки говоритъ: «...Армія, организованная по образцу Императорской, была всѣмъ снабжена со стороны Россіи; арсеналы были богато надѣлены всѣми запасами безъ всякаго обремененія страны какими-либо жертвами на этотъ предметъ. Благодаря также нашимъ усиліямъ, армія достигла рѣдкаго совершенства и была организована настолько, что могла составить кадры для ста тысячъ человѣкъ. Въ такомъ духѣ было создано Царство Польское цѣною величайшихъ жертвъ со стороны Имперіи... Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ Россія не скупилась ни на какія жертвы для поддержанія польской арміи, для снабженія ея всѣмъ нужнымъ и для вооруженія крѣпостей Царства. Даже на ея иждивеніи содержались русскія войска, служившія для образованія польскихъ войскъ»³⁾.

Стратегическое значеніе будущаго Царства Польскаго было по достоинству оцѣнено ближайшими наблюдателями ранѣе, чѣмъ это царство успѣло юридически образоваться. Въ меморандумѣ, который представилъ Александру I лордъ Кестльри въ октябрѣ 1814 г., говорилось, что «продвиженіе Россіи съ Нѣмана въ сердце Германіи, переходъ въ ея руки всѣхъ крѣпостей герцогства (Варшавскаго) открываетъ для нападенія столицы Австріи и Пруссіи, лишенная какой-либо линіи обороны или границы»⁴⁾. Приведенныя сейчасъ слова двухъ русскихъ государей позволяютъ дополнить эту характеристику: не только въ руки императора Россіи должны были перейти цѣликомъ «тѣ позиціи, которыя Бонапартъ постоянно стремился отнять у сосѣднихъ государствъ, чтобы держать подъ шахомъ Австрію и Пруссію», но населеніе этихъ «позицій» должно было составить авангардъ той арміи, которая каждую минуту была готова спуститься съ привислян-

1) В. кн. Николай Михайловичъ «Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ, Лебцельтерна». Спб. 1913, стр. 7.

2) Ibid, стр. 46.

3) Мартенсъ: «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей», III, 178.

4) «Rescueil» Ангелберга, 610.

скаго дебаркадера въ самую середину Центральной Европы. Польское войско специально берегли для этой роли. Его не взяли ни для дунайскихъ операцій въ 1828 году, ни для забалканскаго похода 1829 года. Но едва на горизонтѣ всталъ призракъ войны въ Западной Европѣ—въ связи съ іюльской революціей,—поляковъ мобилизовали въ первую голову. Общеввропейское значеніе польской революціи 17—29 ноября 1830 г. въ томъ и состояло, что она разрядила на голову Польши тучу, которая неслась, чтобы разразиться надъ Франціей. Дѣйствительность давала кое-какія опорныя точки для «мессіанистской» теоріи польскихъ писателей 30—40-хъ годовъ, изображавшихъ Польшу жертвой, павшей во искупленіе народовъ. Конечно, для іюльской монархіи слишкомъ большая честь отождествлять ея дѣло съ дѣломъ общеевропейской свободы, но Луи-Филиппъ едва ли могъ бы относиться съ такимъ же философскимъ спокойствіемъ къ гнѣвнымъ выпадамъ Николая Павловича, если бы воинственный жаръ послѣдняго не подвергся чувствительному охлажденію на берегахъ Вислы.

Итакъ, «возстановленіе Польши» въ 1815 г. не было результатомъ ни «сантиментальныхъ увлеченій» Александра I (сантиментальность составляла, вообще, наименьшій грѣхъ этого чрезвычайно трезваго политика), ни даже «соображеній государственной мудрости» въ широкомъ смыслѣ. Съ этой послѣдней стороны Царство Польское представляло порядочную обузу для Имперіи, уже хотя бы по одному тому, что сразу же возникъ вопросъ о согласованіи интересовъ только что народившейся русской промышленности съ гораздо болѣе зрѣлой польской: и рѣшался онъ сначала не безъ ущерба для отечественныхъ фабрикантовъ (см. ту же записку Николая I). Польскую конституцію, какъ это ни кажется парадоксально съ перваго взгляда, приходится сопоставлять, въ причинномъ ряду, съ военными поселеніями. И эти послѣднія, и «самостоятельная» Польша служили одной цѣли—сохраненію за Александромъ Павловичемъ той роли «Агамемнона Европы», которую онъ сталъ играть послѣ катастрофы Великой арміи въ русскихъ снѣгахъ, такъ же неожиданно для себя и для другихъ, какъ неожиданна была катастрофа. Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ онъ убѣдился, что оставленное Наполеономъ мѣсто никогда не можетъ быть занято, что рухнуло не только личное могущество его главнаго соперника, но рухнула вообще вся система, позволявшая управлять Европой изъ одного центра. Когда онъ это понялъ, онъ сталъ очень сильно интересоваться Константинополемъ и весьма мало поляками. «Ни въ чемъ императоръ не разстался такъ полно со своей старой системой и со своими прежними мнѣніями, какъ въ отношеніи къ Польшѣ», писалъ изъ Петербурга австрійскій посланникъ Лебцельтернъ лѣтомъ 1822 г. «Недоброжелательство, царствующее во многихъ классахъ, несмотря на великодушіе, съ какимъ его величество обошелся съ этой страной, тайныя общества, образовавшіяся тамъ подъ разными наименованіями, тщеславіе и безпокойный, ненадежный характеръ жителей послѣдовательно способствовали этой перемѣнѣ въ настроеніи государя... Онъ почти всецѣло оставилъ управленіе царствомъ своему августѣйшему брату»¹⁾... Въ другомъ мѣстѣ Лебцельтернъ гораздо правильнѣе не охарактеризовалъ, а предсказалъ подкладку перемѣны, тогда еще только возможной: это тамъ, гдѣ онъ говоритъ, что Россія, почувствовавъ себя исключенной изъ Европы, бросится на Турцію²⁾. «Неблаго-

1) Изданіе В. Кн. Николая Михайловича, стр. 101—102.

2) Рапортъ Меттерниху 7 апрѣля 1818 г., post-scriptum тамъ, стр. 23.

дарность» поляковъ была тутъ ни при чемъ. «Августѣйшій братъ», которому приходилось имѣть съ ними дѣло непосредственно и который началъ съ выступлений истинно-гатчинскихъ, въ родѣ ареста офицеровъ, осмѣлившихся критиковать состоявшую подъ его особымъ покровительствомъ актрису, подъ конецъ сдѣлался довольно сноснымъ конституціоннымъ государемъ Польши: трогательно видѣть, какъ Константинъ въ своей перепискѣ съ Николаемъ пытается объяснить послѣднему, что въ Варшавѣ все же нельзя дѣлать кое-чего, кажу-щагося вполне нормальнымъ въ Петербургѣ. Поляки были и въ 1822 г. такими же, какъ въ 1816, но ось внѣшней политики Александра I передвинулась больше, чѣмъ на девяносто градусовъ—раньше она упиралась въ Парижъ, а теперь въ Царьградъ. Тогда были нужны поляки, теперь понадобились греки..

Развернутая логически до конца, новая точка зрѣнія должна была привести къ знаменитому заявленію Николая I, «что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ была такъ очевидна, что истинные ея интересы требуютъ установить и утвердить свою границу по Вислѣ и Нареву, что она предоставляетъ остальное, какъ недостойное принадлежать ей, своимъ союзникамъ, которые могутъ сдѣлать изъ него все, что имъ покажется нужнымъ...»¹⁾. На счастье Николая Павловича, возлѣ него не было Бисмарка, который подхватилъ налету подобное же заявленіе Александра II, сдѣлавъ его исходнымъ пунктомъ цѣлаго политическаго плана—въ общемъ удавшагося, хотя не такъ, какъ мечталось автору. Мыслей Николая I, повидимому, никто не прочелъ въ свое время, кромѣ Нессельроде—послѣдняго человѣка, который пошелъ бы на дипломатическую революцію, предлагавшуюся ему его государемъ. Этому идеальному тормазу удалось остановить разбѣгъ политической логики, внѣшняя же обстановка начала 30-хъ годовъ была совсѣмъ не такова, чтобы Россіи представлялась практическая необходимость усиливать ея «союзниковъ», не вполне заслуживавшихъ этого названія даже и при Александрѣ I. Часто говорятъ о «солидарности» Россіи, Австріи и Пруссіи, созданной общимъ обладаніемъ кусками разорванной Польши. Это «общее обладаніе» было въ гораздо меньшей степени литературной метафорой въ первой половинѣ XIX в., чѣмъ можетъ показаться современному читателю. Нашему поколѣнію казалось своего рода закономъ природы, возвращаясь изъ Западной Европы, наткнуться на таможенный кордонъ тамъ, гдѣ кончались Австрія и Пруссія, гдѣ начинались земли російской короны. Но этотъ законъ природы, юридически, не старше конца царствованія Николая I. Вѣнскіе трактаты, раздѣливъ Польшу *политически*, сдѣлали попытку сохранить ея *экономическую* цѣльность, невольно проговорившись, что дѣло шло не о размежевкѣ территорій, которыя могутъ быть комбинируемы потомъ въ любомъ порядкѣ, а о разрѣзѣ на куски живого государственнаго организма, который погибъ бы, если бы кто-нибудь сразу захотѣлъ довести эту операцію до конца. Политическій трактатъ точно устанавливалъ границы «позицій», точно намѣчалъ линіи, по которымъ будутъ разставлены часовые, будутъ ѣздить патрули: а экономическія соглашенія, заключенныя раньше этого трактата и имъ предполагавшіяся, рассматривали «всю землю, составлявшую часть бывшаго королевства Польскаго послѣ 1772 года, и заключающуюся

¹⁾ Продолженіе цитированной выше собственноручной записки. Мартенсъ, VIII стр. 81.

между Двиной, Днѣпромъ, Днѣстромъ, Одеромъ и моремъ со включеніемъ и Восточной Пруссіи», какъ одно цѣлое ¹⁾. На этомъ пространствѣ договаривающіяся стороны желали установить «въ областяхъ бывшей Польши самую неограниченную свободу торговли», доходя (въ русско-прусской конвенціи) до установленія, на случай надобности, двойного подданства для тѣхъ поляковъ, которые по экономическимъ мотивамъ вынуждены будутъ проживать не въ той части «бывшей Польши», къ какой они принадлежали по рожденію. Но именно этотъ экономическій консерватизмъ и былъ первымъ источникомъ раздоровъ между «союзниками»: фактически онъ дѣлалъ господиномъ на всемъ пространствѣ «бывшей Польши» тотъ изъ «союзныхъ» капитализмовъ, который былъ зрѣлѣе, а это давало явный перевѣсъ Пруссіи. «Чѣмъ болѣе актъ 7/19-го декабря продолжаетъ дѣйствовать, чѣмъ болѣе начала, имъ провозглашенныя, получаютъ развитіе, тѣмъ болѣе въ Россіи и въ Польшѣ сельская и мануфактурная промышленность не только останавливаются въ своемъ развитіи, но даже приближаются къ неминуемой гибели», писалъ Александръ I прусскому королю уже въ 1822 г. ²⁾. На «предметномъ урокъ» русская дипломатія училась понимать неотдѣлимость экономики и политики... «Общее обладаніе» приводило не къ «солидарности», а къ прямо противоположному.

Но усвоеніе урока потребовало много времени—только черезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ цитированнаго сейчасъ письма Александра I Россія рѣшилась инкорпорировать Царство Польское въ русскую таможенную систему. «Солидарность» же начала трещать гораздо раньше: и если мы припомнимъ, вкратцѣ намѣченную выше, исторію возникновенія «царства», мы безъ труда поймемъ, почему. Если Россіи привислянскія «позиціи» служили своего рода трамплиномъ для прыжка въ центръ Европы, «центральнымъ державамъ» то, что имъ досталось отъ Польши, естественно, должно было представляться ближайшей оборонительной позиціей. За укрѣпленіе ея онѣ и принялись тотчасъ же. «Вы будете включены въ мою монархію, не имѣя надобности отказываться отъ вашей національности», торжественно обѣщалъ Фридрихъ Вильгельмъ III познанскимъ полякамъ 15 мая 1815 г. «На васъ распространятся благодѣянія конституціи, которую я намѣренъ дать моимъ вѣрнымъ подданнымъ, и вы получите, какъ и другія провинціи моего королевства, областную конституцію» ³⁾. И что всего любопытнѣе, вѣрнымъ-то подданнымъ пришлось своей конституціи подождать, а познанскіе поляки свои областныя привилегіи получили немедленно. Во главѣ новой провинціи былъ поставленъ намѣстникъ изъ поляковъ, кн. Радзивиллъ, всѣ низшіе административные посты были заняты мѣстными уроженцами, польскій языкъ сталъ официальнымъ, и только въ округахъ съ преобладаніемъ нѣмецкаго населенія допускалось употребленіе въ судахъ нѣмецкаго языка. Польскіе помѣщики, которые тогда были главнымъ официальнымъ воплощеніемъ польской національности, получили въ своихъ имѣніяхъ тѣ полицейскія права, какими пользовались помѣщики коренной Пруссіи. И только опасеніе раздражить могущественнаго сосѣда, повидимому, удержало

¹⁾ Мы беремъ формулировку русско-прусской торговой конвенціи 7/19 декабря 1818 г. (Мартенсъ, II, 332), какъ самую короткую и отчетливую, но по существу то же сказано и въ русско-прусской конвенціи 21 апр./3 мая 1815 г. (ст. XXVIII—XXIX) и въ русско-австрійской того же числа (ст. XXIV—XXVIII).

²⁾ Мартенсъ, VIII, 5. О всѣхъ перипетіяхъ русско-прусскаго таможеннаго конфликта см. нашу статью въ «Голосъ Минувшаго» 1916, мартъ, перепечатываемую ниже, стр.

³⁾ Переводимъ по тексту сборника Ангелберга (Ходзько), стр. 189.

правительство короля Фридриха-Вильгельма отъ попытки довести подражаніе этому сосѣду до конца: національная польская армія великаго герцогства познанскаго не вышла изъ стадіи проектов¹⁾. О вліяніи всего этого на поляковъ русскихъ «позицій», пользовавшихся милостіями Александра I, какъ мы видѣли, весьма недолгое время, пусть расскажемъ намъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ. «Учащаяся молодежь съ нѣкотораго времени усвоила себѣ крайне неблагонадежное направленіе,—писалъ онъ своему младшему брату въ мартѣ 1829 г.— Я склоненъ думать, что ея руководятъ извнѣ, а именно, изъ герцогства Познанскаго и изъ Франціи... Что касается купечества и мѣщанства (*bourgeoisie et habitants*), то это чистое золото; къ нимъ же я причисляю помѣщиковъ, занимающихся своимъ хозяйствомъ. Самые упорные тѣ, которые имѣютъ связи съ герцогствомъ Познанскимъ и съ Франціей, словомъ, калишскіе и краковскіе братцы (*confrères*), вмѣстѣ съ Силезіей...» «Калишъ и Познанъ отвратительны и поддерживаютъ другъ-друга» (письмо отъ 23 февр./7 марта 1827 г.). «Вся эта клика мелкихъ прусскихъ чиновниковъ, черезъ которую приходится дѣйствовать, отвратительна въ высшей степени, я сегодня же отправляю вамъ черезъ гр. Нессельроде образчикъ того, что я имѣю въ виду... Познанскій президентъ Бауманъ—гнусная личность, на него нельзя положиться; быть можетъ, онъ просто дуракъ, тогда, во всякомъ случаѣ, нужно назначить на это мѣсто другого, если только прусское правительство хочетъ итти вмѣстѣ съ нами...» (4 марта 1826 г.). Но это-то и было сомнительно: «во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ прусское правительство дѣйствуетъ недобросовѣстно, несмотря на всѣ мои представленія», жаловался Константинъ по поводу бѣгства въ Познанъ одного изъ членовъ тайныхъ обществъ; самыя общества онъ, не обвиняя, возводилъ къ тому же источнику: «это зло пришло къ намъ изъ Познани» (7 января 1826 г.)²⁾. Чрезвычайно характерно, что «это зло» пережило даже великое испытаніе революціи 1830—31 гг., въ корнѣ измѣнившей, какъ мы скоро увидимъ, отношеніе прусскаго правительства къ познанскимъ полякамъ. «Въ мартѣ 1832 г.,—разсказываетъ проф. Мартенсъ,—вице-канцлеръ гр. Нессельроде поручилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ сдѣлать прусскому правительству предложеніе объ учрежденіи близъ русской границы особеннаго «бюро высшей полиціи» съ назначеніемъ слѣдить за агитаціей польскихъ революціонеровъ, которые провозятъ въ Царство Польское порохи, оружіе и другіе предметы военной контрабанды. Польскіе бунтовщики,—писалъ вице-канцлеръ,—находятся въ тѣсномъ союзѣ съ революціонерами всѣхъ европейскихъ странъ и находятъ особенную поддержку въ Германіи. Слѣдить за этой агитаціей и предупредить исполненіе подготовляемыхъ заговоровъ—въ интересахъ обоихъ правительствъ. Поэтому прусское правительство должно учредить это бюро, при которомъ долженъ находиться командированный русскимъ правительствомъ чиновникъ для сношеній съ русско-польскими властями. Прусское правительство положительно отказалось исполнить это желаніе русскаго правительства, и бюро не было учреждено». Въ слѣдующемъ году, правда, берлинскій кабинетъ подъ давленіемъ Австріи присоединился къ т.-наз. «Мюнхенгредской конвенціи»: но и въ «картелѣ» о выдачѣ дезертировъ и преступниковъ, подписанномъ 8/20 мая 1844 г., было

¹⁾ О прусскихъ порядкахъ въ Познани между 1815 и 1830 гг., см. Geffcken «Preussen, Deutschland u. d. Polen». Berlin. 1906, I глава. Проектъ познанской арміи ген. Косинскаго см. у Ангелберга, 702—704.

²⁾ Сборникъ Русск. Истор. Общ., т. 131-й, стр. 27 сл., 29, 58 сл., 119, 323 сл.

спеціально оговорено, что картель «не будетъ распространяться на политическихъ преступниковъ, выдача коихъ составляетъ предметъ особыхъ постановленій». Основываясь на этомъ, прусское правительство наотрѣзъ отказывалось выдавать, какъ политическихъ преступниковъ, такихъ лицъ, виновность которыхъ не доказана никакими судебными актами. Когда въ апрѣлѣ 1846 г. кн. Паскевичъ потребовалъ выдачи 23 поляковъ, которые, по его мнѣнію, должны были быть выданы на основаніи Мюнхенгредской конвенціи 1833 г., прусское правительство отказало на томъ основаніи, что «государство, къ которому обращаются съ требованіемъ выдачи, не обязано его исполнить, если оно не сопровождается актами, свидѣтельствующими о виновности требуемаго лица или о состоявшемся обвинительномъ приговорѣ». Между тѣмъ, кн. Паскевичъ никакихъ доказательствъ въ пользу виновности требуемыхъ лицъ не предъявилъ» ¹⁾.

Какое сравненіе этого «явно недобросовѣстнаго» поведенія съ образомъ дѣйствій, хотя бы, сосѣдней Австріи, которая еще въ 1860 году не отказывалась заключить съ Россіей спеціальный договоръ о выдачѣ именно политическихъ преступниковъ ²⁾. Можно подумать, вотъ разительный образчикъ вліянія политическаго строя: реакціонная Австрія ни на минуту не задумывается оказать своей, еще болѣе реакціонной, сосѣдкѣ услугу, передъ которой останавливается прогрессивная Пруссія. Но, помимо того, что Пруссія 1832—46 годовъ была самодержавной монархіей не менѣе Австріи и Россіи, вернемся опять къ цесаревичу Константину Павловичу и посмотримъ, что рассказываетъ онъ объ австрійской Галиціи. «Перехожу теперь къ фактамъ болѣе серьезнымъ; дѣло идетъ объ Австріи, которая съ нѣкотораго времени дѣлаетъ все возможное, чтобы пріобрѣсти расположеніе галиційцевъ и поляковъ. Нѣтъ авансовъ, которые бы она имъ не дѣлала, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ этихъ краяхъ всѣ пришли къ убѣжденію, что благія намѣренія покойнаго, безсмертной памяти, императора не найдутъ себѣ осуществленія; къ этому присоединяются наши отношенія къ туркамъ и грекамъ, война съ Персіей и потомъ, можетъ быть, не совсѣмъ заглохшія воспоминанія о Наполеонѣ, сынъ котораго въ рукахъ австрійцевъ и, несмотря на то, что ему всего 16 лѣтъ, обѣщается нѣчто выдающееся. Все это—побужденія, съ которыми трудно бороться въ нашу вѣкъ, когда всѣ умы направлены къ освобожденію народовъ и борьбѣ за національность. Прилагаю: 1) замѣтку о политическихъ слухахъ въ Галиціи и о фактахъ, тамъ имѣвшихъ мѣсто; 2) литографированный портретъ кн. Лобковица, губернатора этой области, въ польскомъ костюмѣ, съ титуломъ «воеводы» или «палатина», какъ подтвержденіе мною сообщаемого... Въ Галиціи болѣе всего гордятся тѣмъ, что не нашлось ни одного чловека изъ туземцевъ, замѣшаннаго въ тайныхъ патріотическихъ обществахъ и т. д., и что это—единственная область изъ четырехъ кусковъ раздѣленной Польши, гдѣ не было ни слѣдствій, ни судовъ. Они могутъ говорить, что угодно—я убѣжденъ, что при другихъ обстоятельствахъ тѣ трое, на которыхъ донесъ Яблоновскій, были бы допрошены, передопрошены, суждены и осуждены, но политика взяла верхъ, они отпущены, какъ совершенно невинные, и звонятъ объ этомъ очень громко. Но довольно этихъ новостей...» (письмо Николаю отъ 26 мая/7 іюня 1827 г.). «Что касается извѣстій изъ Галиціи, они

¹⁾ Мартенсъ, VIII, стр. 228 и 359—362.

²⁾ См. тамъ же, IV, 2, стр. 732 сл.

продолжаютъ быть въ томъ же духѣ, и что бы ни говорилъ Татищевъ (русскій посолъ въ Вѣнѣ) о выговорѣ, полученномъ кн. Лобковицемъ за польскій костюмъ, всѣмъ извѣстно, что онъ поощряетъ поляковъ носить его и самъ имъ подаетъ примѣръ... Австрійцы, кромѣ того, распространяютъ здѣсь слухи, что они не интересуются болѣе Галиціей, такъ какъ она слишкомъ близка къ Россіи, и что если бы Польша смогла вернуть себѣ независимость, они охотно уступили бы эту провинцію. Вотъ послѣднія мои новости, вскружившія голову нѣкоторымъ туземцамъ. Кн. Лобковицъ всячески разсыпается передъ поляками и на всѣ лады ласкаетъ ихъ; еще недавно, объѣзжая свою область, и пріѣхавъ въ Подгоржъ, напротивъ Кракова, онъ поспѣшилъ отправиться въ этотъ городъ, сдѣлалъ визитъ президенту сената и имѣлъ съ нимъ двухчасовое совѣщаніе» (письмо отъ 12/24 августа того же г.)¹⁾.

Немудрено, что Николай Павловичъ, получая подобныя извѣстія, отдавалъ распоряженія насчетъ маневра, которымъ командовала Константиномъ польско-литовская армія должна была быть готова *встрѣтить* австрійцевъ, при чемъ не исключалась возможность и внезапнаго, т.-е. безъ объявленія войны, нападенія съ ихъ стороны, что однако же Николай называлъ «совершенно невѣроятнымъ». «Если же событія заставятъ насъ, по силѣ трактатовъ, *помогать* Австріи или Пруссіи—дѣло также очень мало вѣроятное—вы будете точно такъ же готовы выступить—словомъ, во всѣхъ случаяхъ, это великолѣпная центральная позиція»²⁾. Но именно это-то значеніе Польши, какъ «великолѣпной центральной позиціи», и должно было неизбежно давать у «союзницъ» стратегическое эхо, переводившееся дипломатіей, пока еще не наступила очередь «стратегіи самой въ себѣ», въ акты, на французскомъ языкѣ носящіе учтивое названіе «мало дружественныхъ» (*peu amicales*). Естественнымъ состояніемъ трехъ «союзницъ», подѣлившихъ между собою Рѣчь Посполитую, если бы ихъ не связывали никакія отношенія и соображенія, вромѣ вытекавшихъ изъ этого раздѣла, былъ бы постоянный глухой антагонизмъ, прерываемый открытыми ссорами. Въ послѣднихъ и не было недостатка, и отношенія къ Пруссіи въ 1849 г.—непосредственно изъ-за прусско-датской войны—къ Австріи въ 1854—56 гг.—непосредственно въ связи съ Крымской кампаніей—достигали, какъ всѣмъ извѣстно, крайней напряженности. Если въ промежуткѣ между этими вспышками мы встречаемъ координированныя дѣйствія этихъ трехъ державъ на почвѣ именно польскихъ дѣлъ, дающія оправданіе обычному представленію о «солидарности», то это потому, что Россія, Пруссія, Австрія и Польша не были изолированнымъ островомъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ океаномъ, что у нихъ были и другія границы, и отношенія на этихъ другихъ границахъ складывались иногда такъ, что усиленіе русской «центральной позиціи» на Вислѣ оказывалось подчасъ даже выгодно, даже, пожалуй, необходимо для ближайшихъ западныхъ соседей Россіи. Если къ востоку отъ этихъ послѣднихъ была Польша, которую удалось раздѣлить, къ западу отъ нихъ была *Франція*, которая не только не поддавалась раздѣлу, но не переставала быть великой военной державой, несмотря на Ватерлоо и двукратное вступленіе союзниковъ въ Парижъ. При чемъ два центральныхъ союзника не могли не понимать, что это счастливое событіе случилось только

¹⁾ Сборникъ Русск. Истор. Общ., *ibid.*, стр. 140 сл., 144, 159 сл.

²⁾ Письмо отъ 23 апр./5 мая 1828 г., *ibid.*, 223.

благодаря союзу, въ который входили Англія, съ одной стороны, Россія,—съ другой: не могли не помнить, что, когда они дѣйствовали враздробь, не австрійскія и прусскія войска вступали въ Парижъ, а французы ходили въ Берлинъ и Вѣну, какъ къ себѣ домой. Намъ теперь, привыкшимъ къ существованію Германской имперіи, да еще связанной узами прочнѣйшаго союза съ Австро-Венгріей, нѣсколько трудно представить себѣ соотношеніе силъ, существовавшее три четверти вѣка назадъ, когда на мѣстѣ Германіи и Австро-Венгріи былъ «Германскій союзъ»—куча маленькихъ государствъ, между которыми и изъ-за которыхъ грызлись двѣ болѣе крупныхъ, но все же не безспорно «великихъ» державы, Австрія и Пруссія. Ударъ съ запада или съ востока по этому хаосу могъ имѣть опасныя послѣдствія: Австрія, подъ конецъ, могла убѣдиться въ этомъ опытнымъ путемъ, въ 1859 г. Соединеніе же запада и востока могло имѣть послѣдствія роковыя—хаосъ могъ быть силенъ, и его западная граница могла оказаться на Рейнѣ, лѣвый берегъ котораго и былъ уже въ чужихъ рукахъ, между Страсбургомъ и Базелемъ, а восточная—на Одерѣ и Карпатахъ. При чемъ и относительно независимости того, что осталось бы въ промежуткѣ между этими линіями, прогнозъ могъ быть лишь самый сомнительный. И вотъ, какъ разъ Польша давала великолѣпный матеріалъ для того, чтобы сохранять постоянно въ свѣжѣмъ видѣ другой антагонизмъ, болѣе старый и болѣе глубокий, чѣмъ русско-прусскій и русско-австрійскій изъ-за Польши: антагонизмъ Россіи и Франціи. Пушкинское «Клеветникамъ Россіи» является не только памятникомъ плохо направленного патріотизма, но и яркимъ свидѣтельствомъ того, до чего еще поколѣніе 30-хъ годовъ жило впечатлѣніями наполеоновскихъ войнъ. Эти впечатлѣнія почти пережили Николая; не даромъ еще въ 1854 г. гвардейскіе казаки шли на Дунай съ пѣсней, начинавшейся словами: «Сорокъ лѣтъ тому въ Парижѣ насъ прославили отцы...» Нуженъ былъ Севастополь, чтобы старыя ассоціаціи окончательно потускнѣли—и французы въ Москвѣ, русскіе въ Парижѣ изъ живого воспоминанія стали историческимъ фактомъ.

Призракъ русско-французскаго союза долженъ былъ появиться на горизонтѣ, какъ только русская внѣшняя политика окончательно усвоила себѣ царьградскую оріентацію. Уже въ Наваринской битвѣ (8/20 октября 1827 г.) французы дрались бокъ о бокъ со своими противниками Лейпцига и Ватерлоо: „морскія державы“ оказались ближе къ Россіи въ греческомъ вопросѣ, чѣмъ Пруссія—и тѣмъ болѣе, чѣмъ Австрія. Что касается послѣдней, то есть всѣ основанія думать, что ея „интриги“ въ Галиціи тѣснѣйшимъ образомъ связаны именно съ новой оріентировкой русскаго дипломатическаго наступленія. Даты писемъ в. кн. Константина—май-августъ 1827 г.—и русско-англо-французское соглашеніе по греческому вопросу (24 іюня 6 іюля 1827 г.) слишкомъ рѣшительно совпадаютъ, чтобы нужно было искать другого объясненія. А когда началась русско-турецкая война, то даже и прусскій король сталъ находить, что „потрясеніе, которое произведетъ неминуемымъ образомъ взятіе Константинополя, будетъ настолько сильно, что трудно опредѣлить его послѣдствія“. Его министръ иностранныхъ дѣлъ Ансильонъ прямо называлъ эти послѣдствія „самыми ужасными“¹⁾. Явное дѣло, что если Николай Павловичъ хотѣлъ найти помощниковъ для совершенія этого „ужаснаго“ дѣла, онъ долженъ былъ ихъ искать не въ Берлинѣ и ужъ, конечно, не въ Вѣнѣ. Лондонъ исклю-

1) Мартенсъ, VIII, 120.

чался категорическимъ—тогда—нежеланіемъ Англіи терпѣть на Босфорѣ и Дарданелахъ какого бы то ни было хозяина, кромѣ Турціи¹⁾. Оставался Парижъ—и существуютъ доказательства, что Николай туда именно и обратился. Планъ совмѣстныхъ дѣйствій Франціи и Россіи противъ Турціи—фрагментомъ котораго, съ французской стороны, явилась алжирская экспедиція—достигъ значительной степени зрѣлости, и правительство Карла X быстро шло на встрѣчу новому союзу. И было почему: кромѣ сѣверно-африканскихъ владѣній Турціи, представлявшихъ для французовъ во всякомъ случаѣ, второстепенный интересъ, Николай общалъ своей союзницѣ восточный берегъ Рейна²⁾. Либо очень трудно было его положеніе, либо—все это было лишь ловкимъ маневромъ, чтобы напугать своихъ ближнихъ „союзниковъ“. Если справедлива эта послѣдняя догадка, маневръ оказался очень ловкимъ: поставленный между перспективами „ужаснаго событія“—взятія русскими Царьграда, съ одной стороны, и событія, конечно, еще болѣе ужаснаго, потери лѣваго берега Рейна, съ другой, берлинскій кабинетъ рѣшился энергическимъ образомъ вмѣшаться въ дѣло, добившись отъ Турціи удовлетворенія основныхъ требованій Россіи (которая Константинополя и проливовъ пока еще не требовала). При посредствѣ прусскаго генерала Мюфлинга былъ заключенъ адрианопольскій миръ—и что посредничество, несмотря на побѣды Дибича, было отнюдь не лишнимъ, показываетъ письмо Николая I къ Фридриху-Вильгельму III, гдѣ говорилось: „Ваше величество будете раздѣлять мое счастье, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы въ особенности примите выраженіе живой моей признательности за ваше искреннее и добросовѣстное содѣйствіе. Я не могу, государь, достаточно часто повторять вамъ, насколько это чувство глубоко запало въ моемъ сердцѣ“³⁾.

Когда правительство Карла X пало жертвою іюльской революціи, негодованіе Николая отражало собою не только оскорбленныя легитимистскія чувствованія: онъ терялъ если не союзника, то средство пріобрѣтать союзниковъ, что, можетъ быть, еще лучше... Въ его мысли—немедленно лѣтъ въ Парижъ съ польской арміей въ авангардѣ, съ русской гвардіей въ видѣ главнаго резерва, возстановлять старшую линію Бурбоновъ, было такъ же мало сантиментальной наивности, какъ и въ „возстановленіи“ Польши Александромъ I. Но спасти Бурбоновъ было не такъ легко: ни польскій авангардъ, ни русскія главныя силы не могли притти на Рейнъ, не спросивъ позволенія у Пруссіи, черезъ владѣнія которой лежалъ ихъ путь. А въ Берлинѣ іюльской революціей, втайнѣ, должны были быть довольны по той же самой причинѣ, по которой она привела въ отчаяніе Петербургъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III отнесся въ высшей степени холодно къ проектамъ, сообщеннымъ ему фельдмаршаломъ Дибичемъ—котораго Николай послалъ уговариваться съ пруссаками насчетъ экспедиціи противъ французовъ. Берлинскій кабинетъ оставался холоденъ и тогда, когда выяснилось, что революція не ограничится предѣлами Франціи: 25 августа Брюссель возсталъ противъ нидерландскаго правительства. Для Николая

1) Съ большою проницательностью, Константинъ Павловичъ предсказывалъ это своему брату еще въ самомъ началѣ—въ мартѣ 1826 г. «Англичанѣ всегда будутъ противъ васъ; я допускаю, что ваша черноморская торговля возстановится и достигнетъ Константинополя—но достигнете ли вы этимъ цѣли. Я не думаю, такъ какъ англичанѣ запрутъ ей выходъ въ Архипелагъ». Сборникъ 7. 131, стр. 59.

2) См. Ern Daudes. «Histoire diplomatique de l'alliance francorusse». Paris 1894, pp. 23—25.

3) Мартенсъ, VIII, 121, Переводъ Мартенса.

это было явнымъ доказательствомъ, что необходимо спѣшить: но его тестъ и тутъ не увидалъ повода для вмѣшательства. Дальнѣйшіе переговоры были прерваны появленіемъ революціи уже во владѣніяхъ самого Николая Павловича: 29 ноября возстала Варшава. Горѣла уже собственная крыша, и некогда было думать о сосѣднихъ домахъ. Но тѣмъ болѣе настойчивымъ становился вопросъ: пошевелятся ли хоть теперь сосѣди и „союзники“? А рядомъ съ нимъ возникалъ, конечно, другой: какъ будутъ дальше себя вести парижскіе поджигатели?

Поведеніе послѣднихъ, въ первую минуту и по внѣшности, исполнѣ, какъ будто, отвѣчало представленію о дѣлѣ императора Николая—которому воцареніе „волею народа“ Луи-Филиппа представлялось „ужаснымъ примѣромъ, ниспровергающимъ всякій порядокъ и подкапывающимъ наше собственное существованіе“¹⁾. Судя по тому, что было видно на поверхности, отъ Франціи нельзя было ожидать ничего другого, какъ энергической поддержки польской революціи. „Что касается Польши, господа, какимъ образомъ французскій народъ могъ бы не питать къ ея дѣлу живѣйшей симпатіи?“ говорилъ Лафайетъ въ палатѣ депутатовъ (засѣданіе 15 января 1831). „Не только потому, что первый раздѣлъ былъ стыдомъ для Франціи; не только даже ради тѣснѣйшихъ узъ, связывающихъ поляковъ и французовъ, ради нашего долга признательности и любви къ этому храброму народу, такъ щедро, такъ великодушно проливавшему свою кровь въ войнахъ Франціи: но въ особенности ради одного факта, котораго никто не опровергнетъ здѣсь—потому что у насъ есть матеріальныя доказательства. Господа, противъ насъ готовилась война; Польша должна была составить авангардъ; авангардъ возсталъ противъ главныхъ силъ: можно ли удивляться, что все наше сочувствіе, вся наша признательность, все наши симпатіи принадлежатъ этому авангарду? Можно ли удивиться, что мы считаемъ себя обязанными ему? Дѣло Польши—дѣло всѣхъ народовъ Европы, говорилъ генералъ Ламаркъ (засѣданіе 27 января): такъ какъ Польша—оплотъ всей западной культуры. Русскій колоссъ вовсе не такъ страшенъ, такъ какъ его со всѣхъ сторонъ окружаютъ мстительные враги, и безъ помощи Англіи онъ безсильнъ. Англія и Франція, одинаково заинтересованныя въ спасеніи Польши, должны энергично вмѣшаться и послать флотъ въ Черное море, чтобы захватить Севастополь и Одессу. Въ началѣ марта (н. ст.), послѣ гроховской битвы, которая была понята въ Парижѣ такъ, какъ ее толковали изъ Петербурга, т. е. какъ разгромъ польской арміи,—на улицахъ французской столицы были грандіозныя манифестаціи, закончившіяся выбитіемъ стеколъ въ русскомъ посольствѣ. Уже то, какъ отнеслись къ этой манифестаціи официальныя парижскія сферы—Луи Филиппъ и наслѣдникъ престола немедленно прислали къ Поццо-ди-Борго своихъ адъютантовъ, съ изъявленіями сожалѣнія о случившемся, въ то же время всѣ министры побывали у русскаго посла съ тою же цѣлью, и послѣдній могъ сообщить Николаю, что ему дано столь полное удовлетвореніе, какого только можно желать—отвѣты официальныхъ ораторовъ на рѣчи Лафайета, Ламарка, Биньона, Могэна и другихъ—Ламарку, напримѣръ, министръ иностр. дѣлъ Себастиани прямо отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно о враждебныхъ намѣреніяхъ Николая противъ іюльской монархіи—уже эта официальная сторона дѣла не должна была внушать полякамъ слишкомъ большой надежды на помощь со стороны новой французской династіи и ея правительства. У тѣхъ, кто имѣлъ

1) Письмо къ Константину 17/29 августа 1839, Сб. Р. И. О. т. 132, стр. 45.

случай бесѣдовать съ представителями послѣдняго болѣе интимнымъ образомъ, иллюзій могло быть еще меньше. Несмотря на переменну знамени, объективное международное положеніе Франціи оставалось абсолютно то же, какимъ оно было при Карлѣ X, и первымъ движеніемъ Луи-Филиппа было попытаться возстановить союзъ, такъ хорошо—казалось въ Парижѣ—налаживавшійся два года тому назадъ. Въ Петербургѣ былъ отправленъ бывшій посланникъ Карла X при дворѣ Николая, герцогъ Мортемаръ, которому, между прочимъ, поручено было замолвить словечко и за Польшу. Зная объ этомъ, польское правительство послало къ герцогу своего уполномоченнаго, который долженъ былъ инструктировать французскаго дипломата насчетъ этой стороны предстоявшей ему задачи. Мортемаръ былъ очень учтивъ—но относительно польскихъ дѣлъ имѣлъ совершенно сложившееся мнѣніе: Польша, во что бы то ни стало, должна помириться съ Николаемъ. Этому чрезвычайный посолъ Луи Филиппа готовъ былъ содѣйствовать: на большее онъ самымъ настоятельнымъ образомъ не совѣтовалъ разсчитывать. Польскій собесѣдникъ его долженъ былъ признаться, что какъ разъ для такого исхода едва ли есть еще почва—сеймъ со дня на день долженъ былъ провозгласить низложеніе династіи Романовыхъ (провозглашеніе послѣдовало на другой же день). На это Мортемаръ съ еще большею настойчивостью повторилъ, что ни о какой войнѣ Франціи съ Россіей изъ за Польши не можетъ быть рѣчи—для этого нѣтъ ни силъ, ни средствъ, ни даже серьезной охоты у кого бы то ни было. Недѣлей раньше самъ Луи Филиппъ категорически заявилъ то же самое сардинскому посланнику, изобразивъ весь шумъ, поднятый въ Парижѣ по польскому вопросу, личной фантазіей Лафайэта, котораго нужно же чѣмъ-нибудь занять¹⁾. Когда поляки, отчасти не знавшіе объ этомъ, отчасти не хотѣвшіе вѣрить собственнымъ ушамъ (разговоръ съ Мортемаромъ былъ, конечно, немедленно же сообщенъ варшавскому правительству), сдѣлали попытку завязать непосредственныя сношенія съ Парижемъ, ихъ представителямъ пришлось услышать то же самое уже официально. „Вы должны воспользоваться первымъ же успѣхомъ, чтобы завязать непосредственные переговоры съ императоромъ Николаемъ,—говорилъ Себастьянъ гр. Платеру.—Вы можете утѣшать себя иллюзіями, но никакое посредничество сосѣднихъ державъ вамъ не поможетъ²⁾. Если онъ за это возмутся, то въ своихъ собственныхъ интересахъ, чтобы угодить Россіи и къ вашей невыгодѣ“. На возраженіе, что вотъ однако же, отъ Франціи-то и можно было бы ожидать вмѣшательства безкорыстнаго и сочувственнаго, полякамъ послѣдовалъ отвѣтъ: „Франція искренно предана вамъ, но она не можетъ выступить посредницей, если ее не пригласитъ сама Россія. Всякая попытка Мортемара будетъ понята, какъ интрига, и совершенно не достигнетъ цѣли. Все, что объ этомъ говорятъ или пишутъ—вздоръ. Державы заинтересованы только въ сохраненіи Царства на условіяхъ Вѣнскаго трактата. Я вамъ говорю откровенно: вы должны вступить въ прямые переговоры съ Россіей“. Николай Павловичъ не очень ошибался, когда, поговоривъ съ Мортемаромъ, началъ разсматривать побѣду Луи-Филиппа надъ „якобинцами“, т. е. укрѣпленіе

¹⁾ См. для всѣхъ этихъ фактовъ сводную работу Thadd. Jungfer, «Die Beziehungen d. Julimonarchie zum Königreich Polen» (Lissa 1909), вышедшую изъ семинаріи Шимана.

²⁾ То былъ, по всей вѣроятности, намекъ на попытки главнокомандующаго Сѣкинецкаго добиться вмѣшательства Австріи, черезъ эрцгерцога Карла.

столь ненавистнаго орлеанскаго правительства, какъ лучший залогъ благополучнаго для Россіи исхода борьбы¹⁾.

По свѣдѣніямъ русскаго императора, не больше поляки имѣли успѣха и въ Лондонѣ—и тутъ онъ опять не ошибся. Англія, правда, сдѣлала попытку напомнить Николаю мемуары, подававшіеся лордомъ Кестльри Александру I передъ вѣнскимъ конгрессомъ, насчетъ общевропейскаго значенія знаменитыхъ привислянскихъ «позицій». Но, пересылая британскому представителю въ Петербургъ соотвѣтствующіе документы, Пальмерстонъ настойчиво предостерегалъ его отъ увлеченія этими историческими воспоминаніями. «Ваше лордство, разумѣется, не сдѣлаете никакого шага, который могъ бы повести къ несприятнымъ спорамъ съ русскимъ правительствомъ,—писалъ онъ лорду Гетсберги.—Болѣе чѣмъ когда-либо правительство его величества желаетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ сохранить съ нимъ отношенія самой тѣсной дружбы»²⁾. «Настоящіе обстоятельства» заключались въ томъ, что Англіи было очень важно добиться отказа Николая отъ вмѣшательства въ бельгійскія дѣла, къ чему тотъ такъ страстно стремился, какъ мы видѣли, пока у него не было на рукахъ поляковъ. Когда французское правительство, по инициативѣ Талейрана (придумавшаго геніальный планъ—привлечь на сторону поляковъ Пруссію, посадивъ на польскій престолъ одного изъ сыновей Фридриха-Вильгельма), рѣшилось все же предпринять нѣкоторые дипломатическіе шаги въ пользу послѣднихъ, Пальмерстонъ отказался присоединиться къ кампаніи, мотивируя это именно тѣмъ, что «Россія выполнила по отношенію къ Англіи всѣ обязанности доброй и вѣрной союзницы, и въ послѣднихъ, столь трудныхъ переговорахъ, по вопросу о соглашеніи между Бельгіей и Голландіей, она съ совершенной лояльностью содѣйствовала четыремъ остальнымъ державамъ»³⁾. Напоминаніе о вѣнскомъ трактатѣ сдѣлалось, правда, своего рода «малой эктензеей», стереотипно повторявшейся въ инструкціяхъ представителямъ сентъ-жемскаго кабинета при русскомъ дворѣ до 1832 г.; но мы видѣли, что текстъ этого трактата давалъ русскому правительству великолѣпное средство парировать всѣ удары съ этой стороны. Въ самомъ дѣлѣ, что общалъ русской Польшѣ этотъ трактатъ? «Особую администрацію»—но Органическій Статутъ 14/26 февраля 1832 г., которымъ Николай замѣнилъ польскую конституцію 15/27 ноября 1815 г., октропированную Александромъ I, удовлетворялъ этому условію. Польша не превратилась въ рядъ русскихъ губерній, какъ Литва, Бѣлоруссія или Украина; она осталась особымъ «царствомъ», только царство это было теперь такое же самодержавное, какъ и русское царство, а не конституціонное. «По этому вопросу будетъ трудно спорить, въ случаѣ, если бы иностранныя державы захотѣли дѣлать представленія (русскому правительству) по этому поводу,—писалъ Пальмерстону лордъ Гетсберги,—такъ какъ, повидимому, никакая особая форма конституціи не гарантирована Польшѣ вѣнскимъ трактатомъ»⁴⁾.

Оставались «позиціи»—и забота о равновѣсіи силъ между Россіей, Пруссіей и Австріей; но тутъ двѣ послѣднія такъ рѣшительно измѣнили «морскимъ державамъ», что всѣ пути—повторять полемику лорда Кестльри съ Александромъ I—оказывались совершенно отрѣзан-

¹⁾ Schiemenn. «Geschichte Russlands unter Nikolaus I», III, прилож. 2-е, стр. 414. Письмо Николаю I къ Константину отъ 31 янв. 1831, Сборникъ, 132, стр. 118.

²⁾ Депеша 22 марта 1831—выдержки у Ангеберга, стр. 806.

³⁾ Тамъ же, 840—841.

⁴⁾ Ibid., 812.

ными. Точка зрѣнія Меттерниха на вопросъ хорошо резюмирована однимъ его заявленіемъ, правда, нѣсколькими годами позже описываемыхъ событій, но нѣтъ основаній думать, чтобы за эти годы онъ измѣнилъ свои взгляды. «Императоръ Александръ I, — разсуждалъ Меттернихъ, — возстановивъ въ 1815 г. Польское королевство и устроивъ его, даровалъ ему учрежденія. Устройство этого королевства и его учрежденія были поставлены этимъ же самымъ монархомъ подъ нравственную гарантію акта Вѣнскаго конгресса. Въ 1831 г. царство Польское возстало и, провозгласивъ отреченіе своего царя, оно уничтожило въ то же время конституцію, даную Александромъ. Успѣхъ не былъ на сторонѣ этого предпріятія. Борьба началась на полѣ сраженія, и императоръ Николай остался побѣдителемъ. Въ качествѣ побѣдителя, его величество сдѣлался рѣшителемъ судьбы этой страны. Который же изъ двухъ, царь или Польша, разорвалъ актъ Вѣнскаго конгресса? Очевидно, это была Польша. Каковымъ же представляется въ виду этихъ событій законное положеніе подписавшихъ этотъ актъ? Въ качествѣ гарантовъ, они обязаны были оказать свою помощь и содѣйствіе царю, подвергнутому нападенію. Но защищать теперь устройство, дарованное въ 1815 г. императоромъ Александромъ, это значило бы, съ ихъ стороны, защищать претензію нелѣпую и потому несостоятельную передъ судомъ простаго здраваго смысла... Это было бы все равно, что положительно утверждать, что нарушеніе однимъ изъ контрагентовъ договора нисколько не развязываетъ руки другому»¹⁾. Итакъ, Вѣнскій трактатъ былъ договоромъ между Россіей и Польшей. Можно было бы спросить кн. Меттерниха, кто же именно представлялъ Польшу на Вѣнскомъ конгрессѣ. Но спрашивать было некому — для насъ же важна не теоретическая основательность взглядовъ австрійскаго канцлера, а то, что именно этими взглядами онъ руководился въ своихъ практическихъ шагахъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Франціи принять участіе въ дипломатическомъ выступленіи по польскому вопросу, вѣнскій кабинетъ отвѣтилъ, что предпринимаемая Франціей попытка безнадежна, такъ какъ голымъ сохраненіемъ «самостоятельности» не удовольствуются поляки, — а на большее не пойдетъ императоръ Николай. По другому поводу австрійское правительство заявило, что оно разсматриваетъ свое положеніе въ русско-польскомъ конфликтѣ не какъ «нейтральное», а какъ «пассивное»: поясненіемъ различія могло служить предложеніе австрійской осадной артиллеріи для бомбардировки Замостья, сдѣланное императору Николаю Францомъ I. Гораздо дальше пошло прусское правительство. Оно не только отказалось вступить въ какіе бы то ни было переговоры съ польскими «мятежниками», съ которыми австрійцы, хотя и частнымъ образомъ, все-таки разговаривали²⁾, — но «по требованію гр. Алопеуса (русскаго посланника) король повелѣлъ конфисковать всѣ денежныя суммы, которыя агентъ Варшавскаго банка въ Берлинѣ отправлялъ въ Польшу»³⁾. Уже это былъ актъ не только «мало дружественный», а прямо враждебный; но Пруссія косвенно приняла участіе и въ

¹⁾ Десенна Гатищева отъ 14/26 февраля 1840 г. у Мартенса, IV, стр. 528.

²⁾ Въ послѣднюю минуту польское правительство обратилось въ Вѣну съ предложеніемъ польской короны одному изъ эрцгерцоговъ. Меттернихъ, разумеется, отказалъ, но не отказался отъ посредничества между поляками и имп. Николаемъ, и далъ въ этомъ смыслѣ письмо польскому уполномоченному, гр. Андрею Замойскому. Тѣмъ временемъ пала Варшава, и Замойскому не удалось воспользоваться письмомъ. См. Metternich, «Mémoires», V, 205 пр.

³⁾ Мартенсъ, VIII, 172.

военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ поляковъ. Главнокомандующій польской арміей, ген. Скржинецкій, такъ резюмировалъ это участіе, приписывая пруссакамъ кое-что, чего они, можетъ-быть, не дѣлали, но зато умалчивая, по невѣдѣнію, кое о чемъ, несомнѣнно имѣвшемъ мѣсто, такъ что въ общемъ картина получается близкая къ дѣйствительности: «1) Прусскія власти снабжаютъ русскихъ провіантомъ изъ магазиновъ Торна и окрестностей; 2) въ русскую армію были посланы прусскіе артиллеристы, чтобы служить противъ насъ; 3) русская армія получаетъ боевые припасы изъ прусскихъ крѣпостей; 4) въ Пруссіи шили мундиры для нѣсколькихъ русскихъ полковъ; 5) одинъ прусскій инженеръ изъ Маріенвердера строилъ мостъ на Вислѣ для перехода русскихъ; необходимые матеріалы были, равнымъ образомъ, доставлены изъ Пруссіи» ¹⁾.

Нельзя не замѣтить, что въ 1831 году уже намѣчалась въ общихъ чертахъ та комбинація международныхъ отношеній, которая окончательно сложилась въ 1854 году и нашла себѣ выраженіе въ Крымской войнѣ. Только за четверть столѣтія, наполненную царствованіемъ Николая Павловича, вся система сдвинулась влѣво, если такъ можно выразиться. Въ 1831 году Англія и Франція занимали по отношенію къ Россіи позицію «враждебнаго нейтралитета» ²⁾, въ 1854 г. они были въ открытой войнѣ съ нею. «Пассивная» въ 1831 г., Австрія перешла на положеніе враждебнаго нейтралитета, Пруссія же въ 1854 г. была нѣсколько «лѣвѣе» австрійской «пассивности» 1831 г. ³⁾. И эта эволюція влѣво началась очень скоро послѣ торжества Николая Павловича надъ польской революціей. Уже въ 1833 г. русскій посланникъ въ Пруссіи, Рибопьеръ, ставилъ прусскимъ министрамъ «вопросъ»: что они думаютъ насчетъ положенія Пруссіи, въ случаѣ войны Россіи съ Англіей на Востокѣ. Оба прусскіе министра (Ансяльонъ и кн. Витгенштейнъ) отвѣтили весьма уклончиво, и посланникъ пришелъ къ заключенію, что «Пруссія сохранить вполнѣ пассивный нейтралитетъ» (Мартенсъ, VII, 202). Англо-русское обостреніе было связано, ближайшимъ образомъ, съ дальнѣйшей интенсификаціей намѣтившагося еще при Александрѣ I, и не ликвидированнаго адриано-польскимъ миромъ, стремленія Россіи къ Царьграду и проливамъ: въ 1833 г. и тотъ и другіе едва не перешли фактически въ русскія руки среди полного мира, когда русская армія и черноморскій флотъ явились на Босфоръ «защищать» султана отъ его мятежнаго вассала, египетскаго паши (Хункиаръ-Искелесскій договоръ Россіи съ Турціей 26 іюня/8 іюля 1833 г.). Уже около этого времени императоръ Николай опредѣленно зондировалъ почву въ Вѣнѣ на предметъ раздѣла Турціи, и получилъ отъ Меттерниха рѣшительный отказъ дать что-нибудь при этомъ раздѣлѣ непосредственно Россіи, менѣе всего Константинополь (хоть бы подъ маскою «возстановленія греческой имперіи» — формула, пущенная въ ходъ императоромъ въ его разговорѣ съ австрійскимъ посломъ). Австрія шла лишь на образованіе, изъ обломковъ Оттоманской имперіи ряда мелкихъ государствъ, представляя себѣ карту Балканскаго полуострова приблизительно въ томъ видѣ, какой она получила теперь. Вынужденная опереться хотя бы на Австрію

¹⁾ Angeberg, 826. Письмо Скржинецкаго къ Фридриху-Вильгельму III.

²⁾ «Англійскіе министры, отъ времени до времени, возвращались къ польскимъ дѣламъ въ своихъ разговорахъ съ (рускимъ) посломъ и всегда высказывали свое сочувствіе къ полякамъ» (письмо кн. Ливена Нессельроде 7/16 апрѣля 1831 г. Мартенсъ, XI, 458).

³⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1916, мартъ.

въ своемъ спорѣ съ Англіей, Россія временно отказалась отъ своей программы-махіму и удовольствовалась минимумомъ, продиктованнымъ Меттернихомъ, и нашедшимъ себѣ выраженіе въ мюнхенгренцской секретной конвенціи по восточному вопросу (18 сентября 1833 г.); суть этой конвенціи заключалась въ томъ, что Россія и Австрія дали другъ-другу обязательство «дѣйствовать только въ согласіи и въ духѣ совершенной солидарности въ отношеніи всего, что касается учрежденія новаго порядка дѣлъ, имѣющаго замѣнить существующій въ настоящее время», подѣ каковой туманной формулой разумѣлся раздѣлъ Турціи ¹⁾. Установившійся такимъ образомъ *modus vivendi*, въ общихъ чертахъ дожившій до крымской войны, немедленно отразился на польскихъ дѣлахъ возстановленіемъ «солидарности» уже разлагавшейся въ 1820 годахъ, но фактически снова скрѣпленной событіями 1831 года. Памятникомъ этой, вновь укрѣпившейся, солидарности явились мюнхенгренцско-берлинская конвенція 1833 г. о совместномъ дѣйствіи трехъ «сѣверныхъ» дворовъ противъ поляковъ, и ликвидація послѣдняго остатка независимой Польши, краковской республики, въ 1846 году. Судьба Польши была снова и снова только составной частью общеевропейской комбинаціи—и даже шире, чѣмъ общеевропейской, потому что главной ареной англо-русскаго конфликта была Азія.

Мюнхенгренцско-берлинское соглашеніе было дружеской услугой, оказанной австрійскимъ правительствомъ русскому столько же противъ поляковъ, сколько противъ Пруссіи, и даже, можетъ-быть, больше противъ послѣдней, чѣмъ противъ первыхъ. По мѣрѣ того, какъ опасность русско-французскаго союза отодвигалась въ прошлое, съ укрѣпленіемъ англо-французской солидарности въ восточномъ вопросѣ (во время кризиса 1833 года французскій посланникъ въ Константинополь, адмиралъ Руссенъ, проявлялъ даже наиболѣе рѣзко—во всякомъ случаѣ, наиболѣе шумно—враждебность къ Россіи, оставляя въ тѣни самихъ англичанъ), Пруссія все рѣшительнѣе возвращалась къ своей старой политикѣ—использованія своего участка польскихъ «позицій» противъ своей восточной сосѣдки. Экономической подкладкой тутъ, конечно, являлся, прежде всего, таможенный конфликтъ между прусскою промышленностью и русскимъ протекціонизмомъ ²⁾. Отказъ отъ «покровительства» польскимъ національнымъ стремленіямъ былъ на прусской удочкѣ приманкой, при помощи которой надѣялись уловить отказъ Россіи отъ черезчуръ заботливаго покровительства «отечественной промышленности». Но поскольку таможенный конфликтъ могъ перейти въ открытую вражду, являлась забота и объ укрѣпленіи «позицій», какъ таковыхъ, съ чисто стратегической точки зрѣнія. И тутъ борьба изъ-за «расположенія» поляковъ была тѣмъ легче для берлинскаго кабинета, чѣмъ хуже было положеніе русской Польши подѣ тяжелой ботфортой Паскевича. Новая эра прусскаго владычества въ Познани, —эра, связанная съ именемъ президента Флотвеля, смѣнившая «гнусную личность» Баумана,—какъ небо отъ земли отличалась отъ режима, существовавшего до 1830 г., при Радзивиллѣ. Польскій языкъ уже не былъ исключительно господствующимъ въ судахъ—онъ только «допускался»—началась рѣшительная германизация польской школы, имѣли уже мѣсто и первыя попытки прусской «колонизації» въ чисто польскихъ уѣздахъ—проданные за

¹⁾ Конвенцію и предыдущіе переговоры см. у Мартенса, IV, 435—449.

²⁾ У насъ нѣтъ здѣсь времени подробно останавливаться на этомъ конфликтѣ, мы можемъ только снова отослать читателя къ цитированной уже статьѣ «Россія и Пруссія наканунѣ Крымской войны» («Голосъ Минувшаго», 1916, мартъ). См. ниже, стр

долги имѣнія резервировались нѣмцамъ, при чемъ, характерно для Пруссіи до 1848 г., «колонистами» являлись не крестьяне, какъ впоследствии, при Бисмаркѣ, а помѣщики: имѣнія продавались нѣмецкимъ владѣльцамъ цѣликомъ, а не враздробь. Теперешніе нѣмецкіе «ура-патріоты» вспоминаютъ «эру Флотвеля» съ теплой симпатіей, противопоставляя ее позднѣйшему—послѣ 1848 г.—«ослабленію» прусскаго режима въ Познанскомъ герцогствѣ. Но крутой на западн-европейскій образецъ режимъ казался чуть не царствомъ свободы, сопоставленный съ дикимъ разгуломъ солдатчины по ту сторону границы: при всей громадности *абсолютной* перемѣны, совершившейся въ прусской Польшѣ, *отношеніе* между прусскими и русскими порядками, пожалуй, даже выиграло въ пользу прусскихъ. Мы уже видѣли, какъ культивировало прусское правительство зарождавшіяся на этой почвѣ симпатіи, явно афишируя свое нежеланіе содѣйствовать произволу Паскевича. Надо было пруссаковъ «призвать къ порядку» — и въ этомъ помогли австрійцы. Удовлетворенный Россіей въ восточномъ вопросѣ, Меттернихъ съ большою готовностью поприжалъ сѣвернаго сосѣда въ угоду восточному. Напрасно прусскій король и его министръ иностранныхъ дѣлъ, Ансильонъ, немножко подѣтки, уклонялись отъ путешествія въ Мюнхенгрецъ, гдѣ должно было состояться соглашеніе. Состряпанную на австрійской территоріи бумагу привезли къ нимъ, въ Берлинъ, и Ансильонъ долженъ былъ поставить свою подпись подъ обязательствомъ помогать русскому правительству противъ поляковъ. Правда, кое-что онъ все-таки выигралъ: берлинская конвенція лишь въ самыхъ общихъ чертахъ формулировала обязанность взаимопомощи трехъ совладѣльцевъ Польши. Болѣе конкретное соглашеніе, которымъ «договаривающіяся державы» обязывались выдавать по первому требованію другъ другу политическихъ преступниковъ, «подчинить особому надзору лицъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ смутахъ въ Польшѣ», «не позволять у себя образованія такъ называемыхъ патріотическихъ обществъ», наконецъ, «сообщать обоюдно всѣ свѣдѣнія, которыя могли бы имѣть интересъ по отношенію къ безопасности и спокойствію ихъ владѣній», имѣетъ на себѣ подписи лишь Меттерниха, Нессельроде и Татищева, подписи Ансильона на немъ нѣтъ, такъ что, когда Паскевичъ ссылался на «мюнхенгрецкую конвенцію» въ своихъ претензіяхъ къ *прусской* администраціи, онъ обнаруживалъ или не полную освѣдомленность относительно заключенныхъ Россіей съ ея сосѣдками соглашеній или—послѣднее вѣрнѣе—естественную у «отца-командира» беззаботность по части международнаго права¹⁾.

Но даже и австрійское правительство не спѣшило навстрѣчу Николаю Павловичу. Въ проектъ конвенціи, составленномъ именно Паскевичемъ въ 1832 г., наряду съ пунктами, нашедшими свою дипломатическую формулировку въ Мюнхенгрецѣ, былъ еще одинъ, реализовавшийся,—по крайней мѣрѣ, въ глазахъ европейскій публики,—лишь четырнадцатью годами позже. Этотъ пунктъ гласилъ: «Краковъ необходимо занять войсками трехъ державъ, безъ чего невозможно оградить спокойствіе въ Польшѣ»²⁾. Чтобы понять существованіе этой аномаліи, Краковской вольной «республики» рядомъ съ царствомъ Польскимъ, между императорской Галиціей и королевско-прусской Познанью, необходимо вернуться къ исходной точкѣ настоящаго очерка—тѣмъ военнымъ потребностямъ, которыя обусловили «возстановленіе само-

¹⁾ Объ конвенціи и исторію ихъ возникновенія см. у Мартенса, IV, стр. 449—462.

²⁾ Мартенсъ, цит. соч. стр. 450.

стоятельной Польши» Александромъ I. Въ стратегическомъ отношеніи старая польская столица была однимъ изъ четырехъ сильнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ линіи Вислы: тремя другими были Торнъ, Модлинъ (теперешній Новогеоргіевскъ) и Замостье на верхнемъ Вепржѣ, нынѣ утратившее свое значеніе и разоруженное. Александръ хотѣлъ сначала удержать въ своихъ рукахъ все четыре¹⁾, ибо они все входили въ составъ Варшавскаго герцогства. Но Торнъ слишкомъ врѣзывался въ прусскую территорію, отрѣзывая Кенигсбергъ и Данцигъ отъ Силезіи: Александру, который въ концѣ 1814 года не могъ разсчитывать на другихъ союзниковъ, кромѣ Пруссіи, пришлось сразу поступиться Торномъ. Краковъ врѣзывался въ австрійскія владѣнія не менѣе глубоко, чѣмъ Торнъ въ прусскія, отрѣзывая Галицію отъ австрійской Силезіи. Пришлось поступиться и имъ, но такъ какъ Австрія была не союзникъ тогда, а соперница, такъ какъ къ тому же Пруссія была всеми силами противъ того, чтобы Краковъ превратился въ австрійскую крѣпость, то его рѣшено было нейтрализовать—подобно Швейцаріи, поставивъ подъ «покровительство» всехъ трехъ совладѣльцевъ Польши. Какъ ни слабо было «національное» краковское правительство, не имѣвшее въ своемъ распоряженіи ни вооруженной силы, ни денегъ, державы-«покровительницы» предусмотрительно воспротивились устройству въ Краковѣ банка, но раздоры «союзницъ» позволяли уцѣпиться даже и за него въ борьбѣ за восстановленіе независимой Польши. Послѣ 1831 г. нейтральная территорія сдѣлалась ближайшимъ убѣжищемъ польскихъ эмигрантовъ—продолжайся раздоры, Краковъ могъ бы стать маленькой Женевой. На бѣду «вольнаго города», Россія и Австрія, какъ мы видѣли, быстро между собой столковались, а заинтересованная въ независимости Кракова, хотя бы отъ австрійцевъ, Пруссія была русско-австрійскимъ соглашеніемъ оттерта на задній планъ. При такихъ условіяхъ оставалось бы, повторяемъ, удивляться, что краковская «вольность» только двухъ лѣтъ не дожила до 1848 года—да и тогда скончалась, если вѣрить Меттерниху, исключительно отъ случайныхъ причинъ и по собственной винѣ краковиковъ, бросившихся «безъ всякаго побужденія извнѣ, въ бездну огромнаго заговора, имѣвшаго цѣлью восстановить древнюю Рѣчь Посполитую, а изъ Кракова сдѣлать временную столицу революціоннаго правительства, долженствовавшаго руководить осуществленіемъ этого предпріятія»²⁾. На самомъ дѣлѣ, познанско-галиційскія волненія 1846 года, въ Галиціи выразившіяся, главнымъ образомъ, въ истребленіи русинскими крестьянами польскихъ помѣщиковъ, не безъ подстрекательства со стороны австрійскихъ властей, были самое большое предлогомъ для инкорпорированія Кракова во владѣнія Габсбурговъ. Документъ, скрѣпленный подписями Нессельроде, Меттерниха и Ансильона и помѣченный «Берлинъ 2/14 октября 1835 г.»—хотя увидѣвшій свѣтъ лишь въ наши дни³⁾—устанавливаетъ неопровержимо, что присоединеніе Кракова «къ владѣніямъ его императорскаго и королевскаго апостолическаго величества» было рѣшено за 11 лѣтъ до «заговора», въ который, по увѣренію Меттерниха, впали краковики. Очень скоро послѣ этого соглашенія (въ февралѣ 1836 г.) Краковъ и былъ оккупированъ австрійскими, русскими и прусскими войсками—на десять лѣтъ окончательное завершеніе дѣла оттянула обструкция Пруссіи, еще и въ

¹⁾ См. цитиров. въ началѣ собственноручную записку, приведенную Шильдеромъ.

²⁾ «Mémoires», VII, 281-2.

³⁾ Впервые напечатанъ въ сборникѣ Мартенса, *ibid.*, 472 ссл.

1845 г. пледировавшей против превращенія «вольнаго города» въ австрійскую крѣпость и включенія его территоріи въ австрійскую таможенную черту¹⁾. Подъ конецъ, последнее было, кажется, для пруссаковъ важнѣе всего.

Сдѣлавъ угнетеніе Польши частью желѣзнаго инвентаря восточно-европейской реакціи, русско-австрійскія соглашенія 1832 и 1835 гг. должны были сдѣлать освобожденіе Польши интегральной частью либеральной программы всюду, гдѣ эта программа опиралась на сколько-нибудь широкія массы. Уже въ 1831 г. полонофильскія стремленія очень сильно сказывались не только въ германской литературѣ—тутъ съ ними были связаны такія имена, какъ Уланда и Платена,—но и въ «большой публикѣ». Въ Майнцѣ буржуазныя барышни щипали корпию для польскихъ раненыхъ, въ Баваріи и въ Баденѣ на банкетахъ, устраивавшихся въ честь поляковъ, можно было видѣть офицерскіе мундиры. Польскія пѣсни всюду распѣвались на улицахъ—и когда, послѣ взятія Варшавы, волна польской эмиграціи хлынула черезъ южную Германію, вчерашнихъ бойцовъ Грохова и Остроленки принимали, какъ героевъ. Даже прусское правительство, при всемъ добромъ желаніи, не сочло возможнымъ трактовать ихъ, какъ «государственныхъ преступниковъ»—къ чрезвычайно непріятному разочарованію правительства русскаго, только что на рядѣ примѣровъ убѣдившагося въ полномъ казалось бы возстановленіи русско-прусской «солидарности». Пруссаки старались только какъ можно скорѣе освободить прусскую территорію отъ обломковъ польской революціи—но не дѣлая имъ никакихъ препятствій въ ихъ движеніи дальше на западъ. Въ глазахъ южной Германіи и того, что Пруссія уже сдѣлала для подавленія возстанія, было бы достаточно, чтобы на долгіе годы занести королевство Гогенцоллерновъ въ «черную книгу» нѣмецкаго либерализма—и такой трезвый нѣмецкій патріотъ, какъ Пауль Фиццеръ, съ грустью долженъ былъ признать, что объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи надолго сдѣлала непріемлемымъ для южныхъ нѣмцевъ политика Фридриха-Вильгельма III въ польскомъ вопросѣ. Этой политики стыдился даже наслѣдный принцъ прусскій, на котораго, говорили тогда, чрезвычайно «сильное впечатлѣніе произвелъ страшное воззваніе къ нему Платена въ пользу «изгнанныхъ и гонимыхъ» героевъ». Вообще, въ польскомъ вопросѣ общественное мнѣніе Берлина было никакъ не на сторонѣ своего правительства: характерно, что берлинская биржа аккуратно отмѣчала повышеніемъ всякую польскую побѣду и пониженіемъ—всякую русскую. По мѣрѣ приближенія къ «безумному году» полонофильскія тенденціи только росли, вмѣстѣ съ ростомъ буржуазнаго либерализма и радикализма,—и неудачная познанская вспышка 1846 г. дала поводъ къ одной изъ берлинскихъ манифестацій 1848 года: торжественному освобожденію, берлинскими студентами, Мѣрославскаго и его товарищей, изъ моабитской тюрьмы, куда они были заключены за познанское возстаніе (20 марта 1848 г.). Одной изъ первыхъ «уступокъ» прусскаго правительства народному движенію было назначеніе въ Познань комиссаромъ генерала ф. Виллизена, въ 1831 г. въ своихъ статьяхъ дававшего наставленія польскимъ генераламъ, какъ имъ вести кампанію противъ русскихъ. Правда, познанское чиновничество въ союзѣ съ прусскимъ офицерствомъ познанскихъ гарнизоновъ встрѣтило генерала столь дружнымъ бойкотомъ, что онъ долженъ былъ черезъ три недѣли подать въ от-

¹⁾ Ibid., 525 есл.

ставку—и это было однимъ изъ симптомовъ возрождавшейся реакціи. Но германская демократія оставалась вѣрна лозунгу польской независимости, до предѣловъ, едва понятныхъ знающимъ только современную Германію: во Франкфуртскомъ парламентѣ, въ іюлѣ 1848 г., лѣвое крыло, съ Арн. Руге и Роб. Блюмомъ во главѣ, рѣшительно отказывалось допустить депутатовъ отъ познанскихъ нѣмцевъ, аргументируя тѣмъ, что Познань есть часть Польши, и вопросъ о ней не можетъ рѣшаться германскимъ народнымъ собраніемъ. То, что «умѣренное» большинство не пошло въ этомъ вопросѣ за радикалами, было опять-таки, однимъ изъ признаковъ спада революціонной волны¹⁾.

Въ послѣдующую реакціонную эпоху лозунгъ польской независимости становится все болѣе и болѣе составною частью крайней лѣвой программы, одинаково принимавшейся и марксистами, и бакунистами, даже и послѣ того, какъ между этими двумя теченіями послѣдовалъ полный разрывъ. Но, побѣдивъ демократическую революцію, реакціонныя правительства не имѣли духа начисто отказаться отъ наслѣдства—и Вторая французская имперія, наравнѣ со всеобщей подачей голосовъ, унаслѣдовала отъ 1848 года интересъ къ Польшѣ. Во Франціи не приходится отмѣчать тѣхъ волнообразныхъ колебаній въ польскомъ вопросѣ, которыя заставляютъ остановиться на германскомъ полонофильствѣ—то теченіе, которое въ 1831 г. представлялъ Лафайетъ, неуклонно занимало позицію, на которую сталъ онъ, находя, по крайней мѣрѣ, теоретическую поддержку у всей либеральной буржуазіи: все царствованіе Луи-Филиппа, неизмѣнно, палата включала въ адресъ королю протестъ противъ уничтоженія польской конституціи Николаемъ I. Это настроеніе пережило 2-е декабря, и еще въ началѣ 60-хъ годовъ французское общественное мнѣніе представляло собою въ польскомъ вопросѣ тотъ же «сомкнутый фронтъ», что и въ 1831 г. Мы можемъ процитировать здѣсь мнѣніе автора, *враждебнаго этому настроенію*, и потому наименѣе подозрительнаго. «Подъ непрестаннымъ дѣйствіемъ (польской пропаганды), влѣявшимъ сразу со всѣхъ сторонъ, образовалось своего рода единодушіе въ пользу возстанія. Консерваторы защищали его, потому что имъ руководили дворяне, католики—потому что ему благопріятствовало духовенство, революціонеры—изъ удовольствія произвести безпорядокъ, гдѣ бы то ни было. Монталамберъ говорилъ съ тѣмъ же одушевленіемъ (о полякахъ), какъ Гарибальди и Кошутъ; одни и тѣ же пожеланія можно было услышать въ салонахъ и въ кабакахъ, въ церковныхъ ризницахъ и въ тайныхъ обществахъ. Тѣ, кто проклиналъ итальянское движеніе, потому что оно было анти-католическимъ, соединялись съ тѣми, кто превозносилъ до небесъ движеніе польское, несмотря на то, что оно было католическимъ; Дюпанлу и Кинэ яростно оспаривали другъ у друга привилегію быть поляками»²⁾. Если «бѣлые»—аристократическое теченіе среди польской эмиграціи—все свое упованіе возлагали на личныя симпатіи къ польскому дѣлу Наполеона III, они жесточайшимъ образомъ заблуждались: какъ разъ лично глава Второй имперіи былъ въ этомъ вопросѣ несравненно прохладнѣе своихъ подданныхъ. Самое большее, если въ немъ иногда говорила вѣрность династическому преданію—какъ никакъ, герцогство Варшавское возникло изъ обломковъ раздѣ-

¹⁾ Для фактической стороны см. Geffcken, цит. соч., особенно III отдѣлъ, стр. 140 сл.

²⁾ Em. Ollivier, «L'Empire libéral», VI, 99. Дюпанлу—епископъ орлеанскій, извѣстный клерикальный писатель своего времени. Другія имена, думается, не нуждаются въ поясненіяхъ.

ленной Польши, благодаря Наполеону I—да нежеланіе отрекаться отъ выступлений своей молодости: въ 1831 г принцъ Людовикъ-Наполеонъ, какъ и всѣ, былъ за поляковъ. Но тридцать лѣтъ спустя дипломатическія соображенія говорили гораздо громче.

Вопросъ о Польшѣ появился въ кругу этихъ дипломатическихъ соображеній въ первый разъ во время такъ называемыхъ «вѣнскихъ конференцій»—первой, и неудачной, попытки ликвидировать крымскую кампанію, которая начинала тяготить союзниковъ послѣ того, какъ Севастополь не удалось взять не только въ шесть недѣль, но и въ шесть мѣсяцевъ. Императоръ Николай успѣлъ подписать инструкцію русскому уполномоченному на «конференціяхъ», кн. Горчакову, но фактически переговоры пришлось вести уже правительству Александра II. На вѣнскихъ конференціяхъ впервые были выдвинуты знаменитые «4 пункта», легшіе потомъ въ основу Парижскаго мира,—но, какъ выяснилось изъ документовъ, оглашенныхъ лишь 8 лѣтъ спустя, французское правительство не прочь было прибавить къ нимъ пятый, касавшійся Польши. Возобновляя старую тему лорда Кестльри о «грозныхъ позиціяхъ въ сердцѣ центральной Европы», французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люи, предлагалъ далекому наслѣднику Кестльри, лорду Кларендону, настаивать на восстановленіи въ полной силѣ трактатовъ 1815 года, «запрещавшихъ (Россіи) обладать царствомъ Польскимъ иначе, какъ въ качествѣ особаго государства» ¹⁾. Мы знаемъ, что юридически эту тезу англійская дипломатія признавала незащитимой уже въ 1831 г.—и она была, конечно, совершенно права: *буква* вѣнскихъ трактатовъ «Органическій Статутъ» 1832 года далъ достаточное удовлетвореніе, что не мѣшало Польшѣ не имѣть никакой конституціи и управляться Паскевичемъ совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онъ управлялъ въ Тифлисѣ. Но Кларендонъ не сталъ повторять аргументовъ Гетсери: англійскій министръ откровенно заявилъ французскому послу въ Лондонѣ—имъ былъ какъ разъ Валуевскій—что поднимать польскій вопросъ сейчасъ неудобно, потому что это значило бы дать русскимъ уполномоченнымъ поводъ «отдѣлится отъ насъ Австрію и направить на насъ Германію». Между тѣмъ—этого лордъ Кларендонъ, изъ деликатности, не сказалъ, но это разумѣлось само собой—австрійская армія теперь, послѣ неудачной попытки Канробера взять Севастополь, была нужна болѣе, чѣмъ когда бы то ни было—и болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, важенъ былъ хотя бы дружественный нейтралитетъ Пруссіи. Тѣмъ временемъ вѣнскія конференціи обрвались уже на четвертомъ пунктѣ—вопросъ о нейтрализаціи Чернаго моря,—такъ что выдвигать пятый не нашлось даже формальнаго повода. Франція повела осаду Севастополя съ утроенной энергіей, и новому главнокомандующему, Пелисье, удалось быть счастливѣе своего предшественника: 27 августа/8 сентября 1855 г. былъ взятъ Малаховъ курганъ. Ровно черезъ недѣлю послѣ этого событія Валуевскій, который теперь самъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Наполеона III, писалъ своему преемнику въ Лондонѣ, Персильи, приглашая его «обратить вниманіе правительства ея британскаго величества на вопросъ, который справедливо озабочиваетъ императора, и къ которому не съ меньшимъ интересомъ относится, конечно, и британскій кабинетъ. Дѣло идетъ о Польшѣ». Аргумента-

¹⁾ Confidential correspondence of the British government respecting the insurrection in Poland 1863, ed. Filippowicz, Paris 1914, pp. 205—6, письмо Друэнъ-де-Люи 26 марта 1855 г.

ція Валуевскаго ни чѣмъ не отличается отъ доводовъ его предшественника, но сравнивая тонъ его депеши съ тономъ бумаги Друенъ-де-Люи, вы чувствуете огромную разницу, и ее нельзя, конечно, объяснить только тѣмъ, что теперь писавшимъ былъ полякъ — и сынъ Наполеона I, въ то же время. Читая депешу Валуевскаго, вы видите на горизонтѣ дымъ взорванныхъ укрѣпленій Севастополя, павшаго подъ ударами именно французскаго оружія (для англичанъ, какъ извѣстно, и послѣдній штурмъ былъ неудаченъ). И тѣмъ удивительнѣе, послѣ этого страстнаго тона, читать коротенькую и безцвѣтную «расписку въ полученіи», которой, мѣсяцъ спустя, тотъ же Валуевскій отвѣчалъ на новый отказъ британскаго кабинета впутать съ дѣло вѣнскіе трактаты 1815 г., — отказъ гораздо менѣе категорическій, гораздо болѣе сконфуженный, чѣмъ полгода тому назадъ. Теперь-то, казалось бы, и настаивать, когда англичане, видимо, начинали подаваться. Но Морни уже началъ свои частные переговоры съ Горчаковымъ, въ перспективѣ рисовался не только миръ, а и союзъ съ Россіей — и передъ этимъ огромнымъ для Второй имперіи успѣхомъ ступенькался маленький польскій вопросъ. Чуть ли не воскресали дни «дѣла вселенной» въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ — поляки могли и подождать. Ко времени Парижскаго конгресса союзъ былъ уже налаженъ окончательно, и у гр. Орлова, когда съ нимъ заговорили о Польшѣ, руки были совершенно развязаны. Не заговорить послѣ всей предшествовавшей англо-французской переписки было прямо неловко: но характерно, что Валуевскій офиціально все же не сталъ говорить самъ, а послалъ Кларендона. Тонъ отвѣта Орлова былъ «дружескій» до фамильярности. Онъ почти хлопалъ по плечу англійскаго министра, одобряя его за то, что тотъ заговорилъ о Польшѣ все-таки внѣ конгресса: иначе онъ, Орловъ, былъ бы поставленъ въ печальную необходимость огорчить англичанина прямымъ отказомъ его выслушать. А о Польшѣ небрежно было сказано, что вотъ при предстоящей коронаціи Александра II она получитъ «милости» — но эффектъ ихъ могъ бы быть только испорченъ иностраннымъ вмѣшательствомъ. «Въ этихъ обстоятельствахъ, — почти жалобно заканчиваетъ свой рапортъ Пальмерстону лордъ Кларендонъ, — мы съ гр. Валуевскимъ рѣшили, что всего благоразумнѣе будетъ не возбуждать на конгрессѣ вопроса о Польшѣ¹⁾. «Милости» ограничились, какъ извѣстно, довольно скупой амнистіей — и фактическимъ смягченіемъ паскевичевскаго режима, смягченіемъ, ничѣмъ, пока, не гарантированнымъ и обусловленнымъ «благоразуміемъ» поляковъ. При чемъ этимъ послѣднимъ было сказано совершенно ясно и опредѣленно, что «всякія мечты о независимости» они должны оставить. «Не мечтать!» (*Point de rêveries!*) было рефреномъ знаменитой варшавской рѣчи Александра II (11 мая 1856 г.). «Счастье Польши зависитъ отъ полнаго сліянія ея съ народами моей имперіи, — сказалъ императоръ. — То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержку его дѣло»²⁾.

Когда началась вторая польская революція, опасенія за прочность русско-французскаго союза были, кажется, первымъ чувствомъ Наполеона III. Единодушіе общественнаго мнѣнія Франціи въ польскомъ вопросѣ не позволяло ей правительству просто смолчать, когда этотъ вопросъ снова появился на сценѣ. То, что *Moniteur* въ отвѣтъ на варшавскіе разстрѣлы февраля — марта 1861 года нашелся только на-

¹⁾ Ibid., 210—11.

²⁾ Татищевъ, «Александръ II», I, 212—213.

помнить о «благородныхъ идеяхъ, одушевленіе которыми императоръ Александръ не переставалъ обнаруживать со времени своего вступленія на престолъ» и которымъ манифестации «мѣшаютъ» проявиться въ полной мѣрѣ (предполагаемый носитель этихъ идей только что отдалъ приказаніе своему намѣстнику «въ случаѣ нужды бомбардировать Варшаву изъ цитадели») — было почти предѣломъ приличія при данномъ настроеніи французскаго общества. Но такъ какъ это могло разгнѣвать Зимній дворецъ, туда было отправлено конфиденціальное письмо, гдѣ говорилось о «пятнадцатомъ искреннемъ и вѣрномъ союзѣ» Россіи съ Франціей, — союзѣ, который злые люди (Наполеонъ III имѣлъ въ виду, конечно, пруссаковъ — но Александръ Николаевичъ предпочиталъ думать объ англичанахъ) пытаются разстроить. На сопровождавшіеся эти дружескія изліянія робкія попытки «замолвить словечко» о полякахъ тѣмъ легче было отвѣтить, что революція сразу заставила дать то, о чемъ европейская дипломатія на парижскомъ конгрессѣ не осмѣлилась просить: съ 14 марта русская Польша имѣла то, что ей формально обѣщали вѣнскіе трактаты, самостоятельную національную администрацію съ назначеннымъ, разумѣется, государственнымъ совѣтомъ изъ поляковъ во главѣ. Это была уже не писаная бумага «Органическаго Статута» — это былъ фактъ, и на него съ гордостью было указано въ разговорѣ съ французскимъ посломъ, герцогомъ Монтебелло. «Я не возьму назадъ того, что я далъ; обѣщанныя учрежденія честно будутъ осуществлены въ жизни, такъ какъ я обѣщаль, только бы сама Польша не помѣшала исполненію моихъ намѣреній»¹⁾. Монтебелло могъ бы на это отвѣтить, что французское правительство уже, не дожидаясь этихъ словъ, осудило «интриги» поляковъ, формально заявивъ объ этомъ почти официально, представителю въ Парижѣ, кн. Чарторыйскому. Каждая мелочь, касавшаяся подготовки вооруженнаго возстанія, въ родѣ слуха о томъ, что въ Парижѣ шьютъ мундиры для польскихъ легіоновъ, немедленно вызвала тщательное разслѣдованіе со стороны французскихъ властей. Дошло до того, что польское революціонное правительство прямо обвиняло Францію въ неуспѣхѣ своей первой попытки начать вооруженную борьбу съ Россіей. «Центральный національный Комитетъ, — заявляло оно, — все приготовилъ, чтобы помѣшать рекрутскому набору, но онъ встрѣтилъ препятствія, которыхъ онъ не могъ предвидѣть, именно со стороны французскаго правительства, осуждающаго наше движеніе и мѣшающаго ему не меньше, чѣмъ русскіе жандармы. Оно задержало ввозъ въ Польшу оружія въ количествѣ, достаточномъ для немедленнаго возстанія»²⁾.

Оставленные Франціей поляки, повидимому, не могли рассчитывать и на другую свою «заступницу» 1831 года — на Англію. Россель заявлялъ въ парламентѣ 26 марта 1862 года, что «никогда никакому англійскому государственному человѣку, занимавшему постъ перваго министра, не приходило въ голову оказать *матеріальное* содѣйствіе полякамъ — никогда ни одинъ министръ не думалъ, чтобы мы были обязаны вмѣшиваться (въ польскій вопросъ) какъ-нибудь иначе, чѣмъ путемъ простого выраженія своего мнѣнія». А Пальмерстонъ, не хуже Наполеона III, совѣтовалъ полякамъ вмѣсто манифестацій прибѣгнуть къ «добротѣ и гуманности» Александра II. Словомъ, польское движеніе оставалось мѣстнымъ, внутренне-русскимъ дѣломъ, до 27 января (8 фе-

¹⁾ Ollivier, «L'Empire Libéral» VI, 105.

²⁾ *Ibid.* 109, примъ. Какъ извѣстно, ситваломъ къ возстанію послужилъ «рекрутскій наборъ» 2 января 1863 г., фактически имѣвшій цѣлью освободить Царство отъ «неблагонадежныхъ элементовъ», путемъ отдачи послѣднихъ въ солдаты.

враля) 1863 г. когда была заключена русско-прусская конвенция по поводу совместных действий русских и прусских войск против возставших, — так-называемая «конвенция Альвенслебена», по имени пруссака генерала, привезшего проект конвенции в Петербург. Значение «конвенции Альвенслебена», как *coup de théâtre*, сразу изменившего международную обстановку польского дѣла, давно установлено в литературѣ¹⁾. Оставалось не вполне ясной только подкладка этого театральнаго эффекта — она не была до конца вскрыта даже мемуарами Бисмарка (легшими в основу всѣхъ новѣйшихъ изображеній этого эпизода), и лишь опубликованные дѣликомъ только в самое послѣднее время — в 1914 году — англійскіе секретные дипломатическіе документы по поводу возстанія 1863 г. дали исчерпывающее объясненіе событіямъ. Благодаря донесеніямъ, главнымъ образомъ, британскаго представителя при дворѣ Наполеона III, лорда Каули, мы знаемъ, что отраженіемъ подписанной в Петербургѣ конвенціи былъ крутой поворотъ внѣшней политики французскаго императора — отъ союза съ Россіей противъ Австріи къ союзу съ Австріей, если нужно, и противъ Россіи, но, в первую голову, *противъ Пруссіи*. Британская дипломатія великолѣпно использовала эту — быть можетъ, и переходящую вспышку гнѣва обиженнаго в своихъ лучшихъ чувствахъ «вѣрнаго союзника» Александра II, чтобы вбить глубокой и твердой клинъ въ путавшую англійскія карты на Востокъ франко-прусскую дружбу. Въ тѣсномъ единеніи съ австрійцами, англичане повернули дѣло такъ, что Наполеонъ III, сначала собиравшійся воевать на Рейнѣ съ пруссаками, быть можетъ, не безъ тайной надежды даже на поддержку Россіи (именно эта, хорошо извѣстная в Берлинѣ, надежда и заставила Бисмарка «навязать» Россіи конвенцію, которая русскимъ отнюдь не была необходима и отъ которой съ одинаковымъ усердіемъ отпихивались и кн. Горчаковъ в Петербургѣ, и правительство в. кн. Константина Николаевича в Варшавѣ), очутился лицомъ къ лицу со своимъ вчерашнимъ русскимъ союзникомъ, въ положеніи безвыходнаго дипломатическаго конфликта, котораго нельзя было разрѣшить даже оружіемъ, ибо, доведя бумажную ссору до возможной остроты, и Австрія, и Англія одинаково рѣшительно отказали Тюльрийскому кабинету в матеріальной поддержкѣ, оставивъ мечущагося в отчаяніи «союзника» съ безумными мыслями о вооруженной помощи хотя бы Швеціи, что, конечно, могло свидѣтельствовать только о глубинѣ отчаянія...

Поскольку вся эта эволюція связана съ мечтами Наполеона III о рейнской границѣ, она разобрана нами в другомъ мѣстѣ²⁾. Въ этомъ аспектѣ — исторически самомъ главномъ — она входитъ в составъ дипломатическаго четырехугольника: Россія — Пруссія — Австрія — Франція, и можетъ быть разсматриваема, какъ эпизодъ изъ исторіи русско-германскихъ или франко-германскихъ отношеній, лишь попутно задѣвавшій Польшу, которая могла бы остаться имъ не задѣтой, или могла бы оказаться задѣтой есвѣмъ в другой связи. Послѣднее случилось бы, напримѣръ, если бы Александръ II осуществилъ мысль, мимолетно высказанную имъ Бисмарку, но твердо зацѣпленную у того въ головѣ: очистить польскую территорію къ сѣверу отъ Нарева и къ западу отъ Вислы, кромѣ Варшавы, предоставивъ брошенное за-

¹⁾ См., напр., вышедшую лѣтъ 25 назадъ книгу извѣстнаго польскаго журналиста Козмына — «1863 годъ». Конвенція Альвенслебена и созданія ею перипетіи подробно освѣщены пишущимъ эти строки в «Голосѣ Минувшаго», 1917 г. См. ниже, стр.

²⁾ См. сейчасъ названную статью в «Голосѣ Минувшаго».

нять «кому угодно». Представитель этого «кого угодно» стоялъ въ эту минуту передъ русскимъ императоромъ во плоти. Когда началось возстаніе, Бисмаркъ явно сталъ разсчитывать на еще большее, на то, что русскіе совсѣмъ очистятъ «Царство» — и нѣсколько недѣль носился съ грандіознымъ планомъ возстановленія Польши руками Пруссіи¹⁾. Чтобы понять, какимъ образомъ эта мысль могла сочетаться въ головѣ Бисмарка съ другою, часто ему приписываемою, — дѣйствительно, иногда имъ высказывавшеюся — что «возстановленіе Польши было бы гибелью Пруссіи», надо на минуту остановиться на этой послѣдней мысли. Ее дважды, и Бисмаркъ, и его государь, имѣли случай высказать не только въ видѣ краткаго афоризма, но, съ мотивировкой, въ которой все дѣло. «Если бы польскому народу удалось возстановить свое независимое королевство — къ чему, какъ думаютъ, подстрекаетъ поляковъ Австрія, и если бы послѣдней удалось поставить во главѣ Польши эрцгерцога, это было бы серьезной угрозой существованію Пруссіи, — говорилъ англійскому послу Вильгельмъ I, — такъ какъ новое государство прежде всего постаралось бы вернуть себѣ Данцигъ». А Бисмаркъ говорилъ тому же сѣру А. Бьюкенену, что англійская политика «можетъ отдать въ распоряженіе Франціи стотысячную армію на Вислѣ, такъ какъ если бы Польша даже стала (формально) независимой, ея армія всегда была бы въ распоряженіи французскаго правительства»²⁾. Подчеркнутыя слова ясно показываютъ, что въ Берлинѣ признавалась опасной не самостоятельная Польша, какъ таковая, а Польша, возстановленная Австріей (не забудемъ, что дѣло было до 1866 года!) или Франціей. Но однимъ изъ средствъ предупредить объ эти непріятныя возможности и было возстановленіе Польши самой Пруссіей. Тѣ, для кого манифестъ 5 ноября (н. ст.) 1916 года былъ неожиданностью, недостаточно принимали во вниманіе эту логику. Основная мысль этого манифеста могла отпраздновать свой полувѣковой юбилей за три года до его обнародованія, а многіе и до сихъ поръ готовы считать его исторической случайностью, объясняемой «просто» тѣмъ, что у Германіи нехватало солдатъ, и ей нужно было найти благовидный предлогъ вербовать въ свою армію поляковъ. Не всегда простота есть признакъ истины!

Немедленно поднявъ вопросъ—по поводу конвенціи Альвенслебена—о дипломатическомъ протестѣ противъ Пруссіи, Наполеонъ III по отношенію къ Россіи старался дѣлать видъ, какъ-будто ничего не произошло. Было написано еще одно конфиденціальное письмо самаго мирнаго характера, взывавшее къ снисхожденію и милосердію. Когда польскій вопросъ былъ поднятъ въ стѣнахъ Законодательнаго Корпуса, интерпеллянтамъ была дана суровая отвѣдь ораторомъ министерства, а тому изъ нихъ, кто находился въ предѣлахъ досягаемости, пройдя на выборахъ, какъ правительственный кандидатъ (это былъ Гюйаръ-Делаленъ: другой Жюль Фавръ, былъ изъ непримиримой оппозиціи), было объявлено высочайшее неудовольствіе. Но англичане не дали «заснуть» дѣлу: 2 марта (н. ст.) Россель съ истинно-британской

1) Въ случаѣ, если возстаніе разрастется, пруссаки, объяснялъ Бисмаркъ значеніе конвенціи вице-президенту ландтага Беренду, могутъ двинуться въ Царство и занять его. «Если эта возможность осуществится, не вѣроятной была бы и постоянная оккупация... Россія рада была бы отдѣлиться отъ Польши, только бы та попала въ надежныя руки. Въ этомъ случаѣ Польша, однако, не будетъ управляться, какъ прусская провинція, а составитъ отдѣльное государство, связанное съ Пруссіей только личною уніей». (Confidential Correspondence, 69.).

2) Ibid., 78—9 и 164.

практичностью, позабывъ всѣ antecedенты и нисколько не стѣсняясь дипломатической логикой, поручилъ англійскому послу въ Петербургъ, лорду Непиру, напомнить русскому правительству трактаты 1815 года, сдѣлавъ изъ нихъ тѣ самые выводы, непослѣдовательность которыхъ англичане сами признали еще въ 1831 году. Последняя услуга, которую могъ оказать петербургскому кабинету парижскій союзникъ, заключалась въ томъ, что депеша Росселя черезъ французовъ стала извѣстна Горчакову раньше, чѣмъ Непиръ предъявилъ ее официально¹⁾. Горчаковъ имѣлъ, такимъ образомъ, время «подумать» надъ отвѣтомъ—и придумалъ нѣчто, ему самому, должно быть, казавшееся чрезвычайно маккиавелистическимъ: онъ заявилъ Непиру, что польское возстаніе есть «демократическое и антисоціальное движеніе», стремящееся къ возстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 г. Это анархисты задумали возродить Рѣчь Посполитую! Къ несчастью для англичанъ, суть дѣла была не въ этой, въ высшей степени субъективной, социологіи, а въ трактатахъ 1815 г., а тутъ русскій вице-канцлеръ могъ отвѣчать «безъ подготовки», и отвѣтилъ, конечно, то же, что говорилось въ этомъ случаѣ всегда: что никакой опредѣленной конституціи полякамъ Вѣнскій конгрессъ не обезпечилъ, а что «особая администрація» у нихъ есть и теперь не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ. Все это говорилось весьма «дружественно»—терминъ, употребленный Непиромъ въ его первой, коротенькой телеграммѣ о свиданіи съ Горчаковымъ. Тѣмъ болѣе, что и разговоръ-то, въ сущности, началъ послѣдній: еще раньше, чѣмъ до Непира дошла депеша Росселя, Горчаковъ заговорилъ съ англійскимъ посломъ о польскомъ возстаніи, жалуясь на «звѣрства», учиняемые инсургентами, инсинуируя, что польская революція—дѣло иностранныхъ внушеній, но явно извиняясь въ то же время за нѣкоторые подвиги русскихъ военныхъ властей (по части грабежа польскихъ усадебъ и т. под.), и соглашаясь даже, что устроенный Велепольскимъ рекрутскій наборъ былъ мѣрой «неполитичной». На Непира этотъ разговоръ произвелъ впечатлѣніе, «что русское правительство чрезвычайно боится вмѣшательства въ дѣло западныхъ державъ; что оно употребитъ всѣ усилія, чтобы потушить возстаніе возможно скорѣе, дабы избѣжать этой возможности, и что императорское правительство *больше досадуетъ на Францію, чѣмъ на Анлію*, по поводу этого дѣла»²⁾.

Польша оказалась оселкомъ русско-французской дружбы, какъ справедливо выразился позже Бисмаркъ... Какимъ образомъ въ Петербургъ могли рассчитывать, что Наполеонъ III въ польскомъ вопросѣ, окажется противъ поляковъ и за русское правительство, на это трудно отвѣтить людямъ, руководствующимся въ своихъ сужденіяхъ «простыми правилами здраваго смысла и логики». И здравый смыслъ и логика должны были бы подсказывать, что императоръ французовъ не можетъ же идти совершенно на перерѣзъ «общественному мнѣнію» Франціи и традиціямъ династіи Бонапартовъ: притомъ, со стороны тюльрійскаго кабинета все было сдѣлано, все дипломатически мыслимое, чтобы дать понять русскимъ дѣйствительное направленіе атаки. Не могъ же Наполеонъ III вслухъ сказать, что Польша для него служить лишь предлогомъ, чтобы напасть на Пруссію. Остается одно разумное предположеніе: въ центрѣ вниманія петербургскихъ дипломатовъ были не субъективные намеренія Наполеона, но объективный фактъ:

1) Бьюкененъ Росселю 16 марта 1863. *Confident. Correspond.*, 228.

2) Непиръ Росселю 3 марта 1863; *«Confid. Corresp.»*, 173.

фактъ завязывавшагося союза Франціи съ Австріей. Что послѣдняя будетъ имѣть глупость не принять протянутой ей руки и использовать весь эпизодъ для своихъ мелкихъ, внутри-германскихъ расчетовъ, этого въ Петербургѣ не ожидали. Изъ объективнаго факта франко-австрійскаго союза, такъ круто нарушавшаго равновѣсіе силъ въ восточной Европѣ, вытекала, казалось, только одна объективная необходимость: чтобы Россія, хочеть она или не хочеть (кн. Горчаковъ, несомнѣнно, не хотѣлъ), протянула руку Пруссіи. Бисмаркъ угадалъ и моментально использовалъ эту объективную необходимость, въ чемъ и выразилась его дипломатическая проникательность. Несостоявшійся франко-австрійскій союзъ родилъ очень прочный, продержавшійся болѣе 15 лѣтъ (по 1879 годъ) союзъ русско-прусскій.

Такъ какъ Англія до сихъ поръ изъ-за восточныхъ дѣлъ шла рука объ руку съ Австріей, для петербургской дипломатіи оставалась теперь одна задача: отдѣлить Англію отъ франко-австрійскаго блока. Но тутъ въ рукахъ у Горчакова была прекрасная игра. Несравненно болѣе равнодушная, чѣмъ даже Наполеонъ III, собственно къ польскому вопросу, британская дипломатія была въ высшей степени неравнодушна къ планамъ этого императора относительно рейнской границы. Петербургскій кабинетъ очень ловко игралъ на этой слабой стрункѣ англичанъ. Непиру «изъ самаго достовѣрнаго источника» давали знать, что Наполеонъ носится съ планами «смѣлыхъ предпріятій», отъ которыхъ его удерживаетъ только вліяніе русскаго посланника Будберга ¹⁾. Мало-по-малу въ Лондонѣ складывалось настроеніе, не безъ юмора описанное Мериме, находившимся тогда въ англійской столицѣ. «Лордъ Россель говорилъ со мною о полякахъ, какъ о самыхъ невыносимыхъ попрошайкахъ на земномъ шарѣ; лордъ Пальмерстонъ говорить о нихъ такъ, какъ говорили о грекахъ въ дни нашей юности. Онъ, однако, не болѣе, чѣмъ его коллега, (т.-е. Россель) расположенъ обнажать мечъ изъ-за ихъ прекрасныхъ глазъ: я думаю только, что онъ охотно насъ послалъ бы въ этотъ крестовый походъ. Что касается публики, она считаетъ за несомнѣнное, что императоръ хочеть не освободить Польшу, но завоевать лѣвый берегъ Рейна, и для этого придирается къ Пруссіи» ²⁾. Это письмо, написанное уже въ августѣ 1863 г., въ сущности, резюмировало всю картину «дипломатическаго вмѣшательства», разыгравшагося между мартомъ и іюлемъ этого года, «вмѣшательства», куда Бисмарку и Горчакову удалось вколотить клинъ не менѣе прочный и глубокій, чѣмъ тотъ, что англичане вогнали въ русско-французскую дружбу. Какъ часто бываетъ, публика слѣдила съ интересомъ за перипетіями пьесы, развязка которой давно уже совершилась за кулисами. Когда, къ началу апрѣля 1863 г., Англія, Австрія и Франція столковались, наконецъ, между собой относительно формы ихъ дипломатическаго выступленія въ Петербургѣ, Наполеонъ уже зналъ, что Австрія отнюдь не склонна къ «смѣлымъ предпріятіямъ», а британское правительство, — что война изъ-за Польши такъ же мало вѣроятна, какъ изъ-за Сандвичевыхъ острововъ. Но всѣ участники серьезно продѣляли свою маленькую комедію и, кажется, даже на минуту смѣтили Петербургъ своей безупречной игрой: за нѣсколько дней до официального врученія запад-

¹⁾ Императоръ французовъ — «tres travaillé dans le sens des entreprises aventurieuses». Непиру Росселю 11 марта 1863 г.

²⁾ Отрывокъ изъ неизданнаго письма къ Кузену у Ollivier, l. c. 305.

Въ подлинникѣ непереводаемый каламбуръ: en cherchant une querelle d'allemand à la Prusse.

ными державами ихъ ноть (5/17 апрѣля 1863) Александръ II даровалъ амнистію всѣмъ инсургентамъ, которые положить оружіе до 1 мая (высочайшій манифестъ 31 марта 1863 г.). Никто, какъ извѣстно, оружія не сложилъ, но Горчакову еще легче было разговаривать теперь съ «западными державами». Особенно вѣжливо и подробно отвѣтили Англіи. Русскій вице-канцлеръ и тутъ не воздержался отъ повторенія своего любимого мотива насчетъ того, что польское возстаніе есть дѣло рукъ «партіи всесвѣтной революціи, всюду стремящейся къ низверженію порядка и нынѣ идущей къ той же цѣли не въ одной только Польшѣ, но и въ цѣлой Европѣ». Только интригами этой «партіи безпорядка» объясняется то, что данныя Польшѣ учрежденія—областные и муниципальныя, которыя были «исходною точкою величія и благосостоянія самой Англіи»—не получили до сихъ поръ должнаго развитія. Но, несмотря на эти интриги, дарованное ни въ какомъ случаѣ не будетъ взято назадъ. Отвѣты тюльирійскому и вѣнскому кабинетамъ были гораздо короче и суше. Въ первомъ было не безъ насмѣшки: Горчаковъ заявлялъ, что русское правительство признаетъ вполнѣ тотъ принципъ «коллективнаго дѣйствія» въ польскомъ вопросѣ, который составлялъ юридическій базисъ выступленія трехъ западныхъ державъ. Основываясь на этомъ принципѣ, петербургскій кабинетъ и ожидаетъ, что Наполеонъ III окажетъ Россіи полное содѣйствіе въ дѣлѣ подавленія польскаго возстанія.

Недостатокъ реальной силы всегда стараются замаскировать шумомъ: желая придать своему выступленію характеръ «призыва къ порядку», обращеннаго къ русскому правительству «всей Европой», французскій императоръ повелъ съ собою въ дипломатическій походъ нѣчто въ родѣ «двунадесяти языковъ». Одновременно съ тремя великими державами въ Петербургѣ сдѣлали представленія въ пользу Польши Испанія, Швеція, Италія, Нидерланды, Данія, Португалія и Турція. Наиболѣе логично было участіе послѣдней,—никогда не признававшей польскихъ раздѣловъ и въ свое время объявившей Россіи войну, формально, за первый изъ нихъ. Наболѣе серьезно было выступленіе Швеціи, по англійскимъ свѣдѣніямъ, предлагавшей Наполеону 100.000 человекъ для высадки въ Курляндіи: именно враждебными намѣреніями Швеція были, будто бы, обусловлены такія оборонительныя мѣры Россіи, какъ укрѣпленіе Кронштадта и т. п.¹⁾ Вполнѣ возможно, что Швеція дѣйствительно мечтала вновь подхватить возможность реванша Россіи за 1809 годъ,—возможность, упущенную ею во время Крымской войны, гдѣ она могла принять лишь платоническое участіе по совершенной своей военной неготовности²⁾. Но ни она, ни Турція сами по себѣ не были страшны для политической комбинаціи, имѣвшей на своей сторонѣ, кромѣ реорганизованной послѣ Севастополя русской арміи, еще 250.000 прусскихъ штыковъ. Вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшался въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Въ Парижѣ, можетъ-быть, и хотѣли еще войны, но, во всякомъ случаѣ, не съ Россіей. Въ Лондонѣ также отнюдь не желали войны съ Россіей, но стремились какъ можно дальше завести ссору этой послѣдней съ Франціей. Россель предложилъ послать въ Петербургъ еще одну ноту съ болѣе конкретными требованіями, благоразумно отказываясь, въ то же время

¹⁾ См. Confidential Correspondence, стр. 278, 295, 315 и 336.

²⁾ Трактатъ 21 ноября 1855 г. о союзѣ между Швеціей, Франціей и Англіей (каковой союзъ, впрочемъ, шведское правительство поспѣшило истолковать, какъ оборонительный) остался мертвой буквой.

связать себя, по отношенію къ тексту этой ноты, круговой порукой съ Франціей. Друентъ-де-Люи (министромъ снова былъ онъ) настаивалъ на *тождественной* нотѣ всѣхъ трехъ «западныхъ державъ»: англичане согласились лишь на *одновременное* выступленіе съ австрійцами и французами, предоставивъ себѣ опредѣлить его форму, поскольку дѣло шло о нихъ. Смыслъ этого дипломатическаго трюка былъ въ томъ, чтобы позволить Россіи и отвѣтить отдѣльно каждой «противницѣ», — что оказалось такъ удобно Горчакову въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Новая нота, переданная петербургскому кабинету 5/17 іюня 1863 г., предлагала созывъ конференціи державъ, подписавшихъ Вѣнскій трактатъ для рѣшенія польскаго вопроса на основѣ этого послѣдняго. Программу конференціи «западныхъ державы» резюмировали въ «шести пунктахъ»: первымъ изъ этихъ пунктовъ была *всеобщая амнистія*, пункты 2-й и 5-й сводились въ существѣ дѣла къ возстановленію конституціи Александра I, наконецъ, 6-й предусматривалъ отказъ русскаго правительства отъ рекрутскихъ наборовъ того типа, который послужилъ поводомъ къ возстанію (мотивъ, который англичане выдвигали съ самаго начала наравнѣ съ вѣнскими трактатами). Предварительнымъ условіемъ конференціи было прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Польшѣ путемъ заключенія перемирія, что подразумевало, конечно, признаніе инсургентовъ воюющей стороною. Такъ какъ это послѣднее было очевидно неприемлемо для русскаго правительства, то на этомъ пунктѣ англичане особенно настаивали: для нихъ самихъ отказъ Россіи былъ въ высокой степени безразличенъ, Францію же онъ ставилъ въ положеніе, при которомъ ни о какой «дружбѣ» съ Россіей болѣе не могло быть и рѣчи. Ожиданія Росселя вполне сбылись. Ему Горчаковъ отвѣтилъ пространно по обыкновенію и по обыкновенію же вѣжливо: вся желчь излилась въ депешу къ русскому послу при тюльрийскомъ дворѣ. Въ этой депешѣ Парижъ прямо объявлялся уже центромъ и польской, и всесвѣтной революціи. Отвѣтомъ на «шесть пунктовъ» былъ категорическій отказъ: Россія соглашалась обсуждать польскій вопросъ только съ участницами дѣлежа, Австріей и Пруссіей. Въ частномъ разговорѣ съ французскимъ посломъ Александръ II пошелъ еще дальше, — повторивъ и передъ нимъ слова Николая I, которые онъ когда-то вспоминалъ при Бисмаркѣ: «Почему бы намъ не извѣститься отъ Польши, удержавъ за собой линію Вислы и бросивъ все остальное?» Франціи давалось понять, что если ей не нравится русская Польша, она можетъ получить прусскую, но независимой Польши она не увидитъ ¹⁾.

Послѣдній отвѣтъ Горчакова Франціи, повидимому, нашли въ Лондонѣ достаточно удовлетворительнымъ. Отвѣтъ самой Англіи на русскую депешу былъ простой «распиской въ полученіи», указывавшей на явное нежеланіе «продолжать разговоръ», становившійся рѣшительно скучнымъ. Двумя мѣсяцами позже Россель сказалъ это всѣми словами: «Правительство ея величества не имѣетъ желанія продолжать переписку по этому вопросу изъ одного удовольствія спорить, — писалъ онъ Непиру 20 октября 1863 г. — Правительство ея величества удовлетворено увѣреніемъ императора Россіи, что онъ остается неизмѣнно доброжелательнымъ къ Польшѣ и примирительно настроеннымъ по отношенію къ иностраннымъ державамъ». Передъ этимъ онъ

¹⁾ Разговоръ императора съ Монтебелло воспроизведенъ у Оливье, цит. соч., стр. 323—325 и у г. Charles-Roux «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III», pp. 355—356.

заявилъ публично, что, по его мнѣнію, котораго онъ всегда держался, «ни обязательства Англіи, ни ея честь не требуютъ, чтобы она вела войну изъ-за Польши». Дипломатическая кампанія кончилась тогда, когда она дала результаты, желательные или нежелательные, но единственно важные для ея участницъ: когда Франція убѣдилась, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ съ нею противъ Пруссіи—и потому стала усиленно, и не безъ потерь для собственнаго достоинства, искать дружбы этой послѣдней; когда для Англіи стало очевидно, что русско-французскаго союза болѣе не существуетъ и что франко-австрійскій не торопится занять его мѣсто. На ходъ польскаго возстанія весь этотъ бумажный шумъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія, при чемъ не приходится дѣлать исключенія даже для конвенціи Альвенслебена: дѣло было рѣшено исключительно соотношеніемъ матеріальныхъ силъ русской арміи, съ одной стороны, польскихъ «бандъ»,—съ другой. И если даже регулярная польская армія 1831 года послѣ геройскаго сопротивленія должна была положить оружіе, можно ли было ожидать для «бандъ» лучшей участи? Ихъ могло спасти только одно изъ двухъ—или революція въ Россіи, или вооруженное вмѣшательство Западной Европы. Польская демократія больше надѣялась на первую, аристократическіе «революціонеры поневолѣ» всего ждали отъ второго: обмануты были ожиданія и «красныхъ», и «бѣлыхъ». Наполеонъ III до конца былъ окруженъ извѣстнымъ ореоломъ въ глазахъ нѣкоторой части польской эмиграціи, воспринявшей вѣсть о Седанѣ, какъ вѣсть о *своемъ* окончательномъ пораженіи. Но если въ такомъ пониманіи дѣла было нѣчто исторически-чуткое, то эта чуткость выразилась въ правильномъ угадываніи связи между судьбами Польши, съ одной стороны, перипетіями «большой» европейской политики,—съ другой. Съ этой точки зрѣнія глубоко невѣрно ходячее опредѣленіе, что послѣ 1863 г. польскій вопросъ изъ международнаго становится «внутреннимъ дѣломъ Россіи, Австріи и Пруссіи». Если подѣ «польскимъ вопросомъ» разумѣть отношеніе соответствующихъ правительствъ къ ихъ подданнымъ польскаго происхожденія, то это, конечно, такъ, и то съ оговорками, какъ сейчасъ увидимъ. Но и въ этомъ смыслѣ 1863 г. не составляетъ какой-либо грани, ибо Николай I считалъ свое отношеніе къ полякамъ, конечно, внутреннимъ русскимъ дѣломъ, какъ для Фридриха-Вильгельма III оно было внутреннимъ прусскимъ, для Меттерниха—внутреннимъ австрійскимъ. Если же разумѣть подѣ «польскимъ вопросомъ» судьбы польскаго народа, то и послѣ 1863 года, какъ до него, опредѣляющимъ моментомъ для этихъ судебъ осталось *международное положеніе* восточной Европы въ первую голову, всей Европы вообще, въ концѣ-концовъ. Событія зимы 1916—1917 годовъ поставили эту истину внѣ всякаго спора, но на мелочахъ ее можно было бы демонстрировать и гораздо раньше. Въ исторіи познанскихъ поляковъ послѣ 1863 г. давно принято различать «эру Бисмарка» примѣрно 1873—1890 года отъ слѣдующей за нею «эры Каприви» (1890—1894): первая характеризуется попытками германизациі, самыми упорными и «грандіозными», какія видала Познань съ начала вѣка, не исключая и «эры Флотвеля»; вторая въ глазахъ прусскихъ патріотовъ осталась синонимомъ «слабости» и торжества «польской интриги». Нужно сказать, что и та и другая подверглись огромному публицистическому преувеличенію на страницахъ соответствующей германской прессы. Колонизаціонныя попытки Бисмарка почти допускаютъ сравненіе съ русской «колонизаціей» въ Туркестанѣ, напри-
мѣръ, если сравнивать достигнутые результаты, а не затраченные

средства. На основаніи проведеннаго Бисмаркомъ закона 26 апрѣля 1886 г. перешло въ нѣмецкія руки по конецъ 1890 г. около 50 тысячъ гектаровъ польской земли, на которыхъ возникло около 1.000 новыхъ нѣмецкихъ хозяйствъ, что составляетъ около $\frac{1}{60}$ всей площади Познани и немного болѣе $\frac{1}{100}$ нѣмецкаго населенія провинціи, а стоила эта забава болѣе 30 миллионѣвъ марокъ¹⁾. Другія мѣры—главнымъ образомъ изгнаніе польскаго языка изъ народной школы—носили болѣе характеръ тупого націоналистическаго издѣвательства, нежели серьезной политической мѣры. Никогда Бисмаркъ не опускался ниже, какъ въ тѣ минуты, когда онъ шелъ въ фарватерѣ классовой юнкерской политики. Тѣмъ не менѣе, послѣдующая эпоха все же является отчетливымъ шагомъ назадъ на этомъ пути, былъ онъ разуменъ и достигалось на немъ что-либо или нѣтъ,—все равно. Если въ промежуткѣ 1886—88 годовъ «колонизаціонная комиссія» покупала ежегодно въ среднемъ по 11.000 гектаровъ польской земли,—къ 1895 году эта средняя упала до 911 гект. Наличие «уступокъ» въ другихъ областяхъ признаютъ и польскіе писатели. «Правительство Каприви,—говоритъ г. Дмовскій,—вступило по отношенію къ нимъ (полякамъ) на путь политики примиренія, и Вильгельмъ II сталъ стараться очаровать ихъ лично. Гнѣзно-Познанскимъ архіепископомъ былъ назначенъ полякъ, аббатъ Стаблевскій (на мѣсто умершаго Диндера, перваго нѣмецкаго епископа Познани); въ школахъ были сдѣланы кое-какія уступки польскому языку, и кондуктора стали по-польски выкрикивать названія желѣзнодорожныхъ станцій» («Польскій вопросъ», франц. изданіе, стр. 91). И причину этого цитируемый авторъ опредѣляетъ совершенно правильно: «Германія,—говоритъ онъ,—такъ *впала въ возможность близкой войны*, что она считалась съ нею и начинала обнаруживать большую мягкость въ отношеніи къ полякамъ... Само собою разумѣется, что этотъ періодъ флирта былъ очень коротокъ; онъ кончился, какъ только улучшились немного отношенія къ Россіи». Г. Дмовскій удивляется, что Россія въ этомъ случаѣ не подражала Пруссіи: но именно поведеніе Россіи Александра III и служить превосходнымъ «контрольнымъ опытомъ». Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ эти годы (1891—94) угрозой европейскому миру былъ вопросъ о русско-французской военной конвенціи, долженствовавшей дать практическую форму франко-русскому, пока только принципиальному, соглашенію (27 августа 1891 г.). И вотъ, въ то время, какъ французское правительство всячески торопило съ этой конвенціей, прибѣгая даже къ совѣтамъ интимнымъ путямъ, въ родѣ хлопотъ черезъ Рачковского, Александръ III оставался твердъ и не спѣшилъ связать себя опредѣленными обязательствами, пока длился русско-германскій таможенный конфликтъ. Только когда отношенія къ Германіи снова наладились, и *реальный поводъ для войны исчезъ*, конвенція была подписана²⁾. Россія не хотѣла воевать и знала, что пока она не хочетъ, войны не будетъ; Германія же, цѣня слишкомъ высоко силу французскаго вліянія въ Петербургѣ, къ войнѣ готовилась.

Въ іюль 1914 года грозовая туча, четверть столѣтія висѣвшая надъ Европой, наконецъ, разразилась. Зная предыдущее, можно было

1) Geffcken, цит. соч., стр. 114. Всего съ 1886 по 1911 г. въ Познани было экспроприровано около 112 тыс. гект. польской земли, а число колонистовъ дошло до 150.000, но они были поселены б. ч. на нѣмецкихъ же земляхъ. См. Буловъ—«Герм. политика» (франц. изд.), стр. 306.

2) Обо всемъ этомъ подробно разсказалъ Фрейсина. См. его *Souvenirs* (1878—1893), 4-me édit, глава XV.

бы удивляться, если бы польскій вопросъ не возникъ съ первымъ же ударомъ грозы. Кое въ чемъ онъ явился даже ея предвѣстникомъ: исторія съ польскимъ языкомъ въ мѣстномъ самоуправленіи русской Польши почти до фотографичности напоминаетъ «эру Каприви» въ сосѣдней Познани. Но судьба вопроса зависѣла отъ того, въ чьихъ рукахъ окажутся «грозныя позиціи». Переходъ ихъ къ Германіи автоматически воскрешалъ проектъ Бисмарка 1863 года, ибо объективное положеніе вещей оставалось то же самое. Аннексія 10 миллионныхъ поляковъ «Царства» означала созданіе въ прусскомъ ландтагѣ—и въ германскомъ рейхстагѣ—огромнаго польскаго крыла: своего рода превращенія Пруссіи въ Австрію. Но примѣръ австрійскаго рейхсрата былъ слишкомъ живъ передъ глазами, чтобы какому-нибудь разумному человѣку могла явиться мысль о повтореніи опыта. «Особое королевство» представлялось единственнымъ выходомъ: и подражаніе Александру I пошло такъ далеко, что дѣло сейчасъ же не обошлось и безъ «авангарда», только тогда онъ смотрѣлъ на западъ, а теперь на востокъ.
